

ДЖОРДАН
ИФУЭКО

18+

УЗРИ СВОЕ
БУДУЩЕЕ

ЛУЧЕЗАРНАЯ

«ОДНО ИЗ САМЫХ
ВЫДАЮЩИХСЯ
МОЛОДЕЖНЫХ ФЭНТЕЗИ
ВСЕХ ВРЕМЕН».

BUZZFEED

Джордан Ифуэко
Лучезарная
Серия «Young Adult. Экранизация»
Серия «Лучезарная», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67673729

Лучезарная: Эксмо; М; 2022

ISBN 978-5-04-169381-7

Аннотация

Одно из самых выдающихся молодежных фэнтези всех времен, по мнению Amazon, BuzzFeed, Kirkus Reviews, Publishers Weekly.

Тарисай выросла в абсолютной изоляции. Ее воспитала загадочная женщина по имени Леди. И именно она отправляет Тарисай на опасное задание в столицу Аритсара. Девушке нужно внедриться в ближайшее окружение принца – Совет Одиннадцати. Если Тарисай пройдет испытание, Луч объединит ее с другими членами Совета: связь между ними станет сильнее кровной. Тарисай наконец-то получит то, к чему стремилась всю жизнь, станет частью чего-то большего. Но у Леди другие планы: убить наследного принца руками подопечной. Тарисай не желает становиться пешкой в опасной игре. Достаточно ли она сильна, чтобы выбрать для себя другой путь?

Первая часть дилогии о предназначении и судьбе, о выборе и призвании, о чести и долге.

Потрясающий проработанный мир, уникальные персонажи, оригинальный сюжет.

Планируется экранизация от Netflix.

«Одно из самых выдающихся молодежных фэнтези всех времен». – *Buzzfeed*

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	54
Глава 5	72
Глава 6	83
Глава 7	96
Глава 8	113
Глава 9	133
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Джордан Ифуэко

Лучезарная

© Сергеева А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

В оформлении переплета использованы иллюстрации:

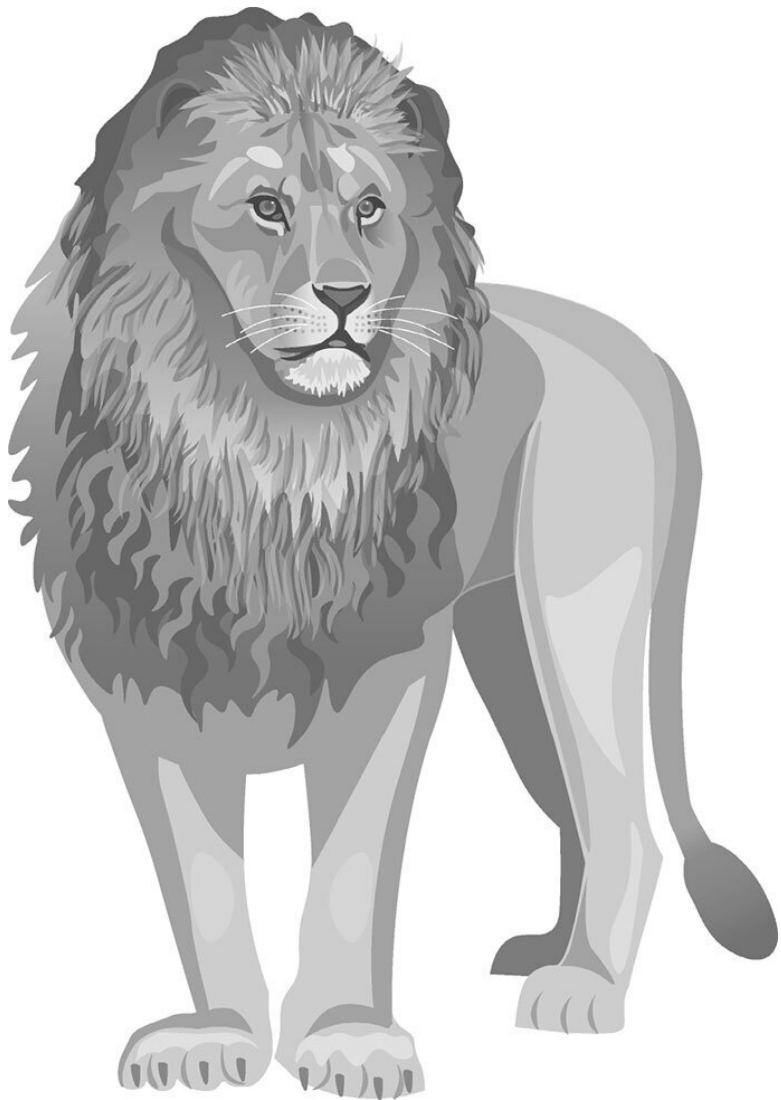
© Hennadii H, MURRIRA / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

* * *

Посвящается детям, которые ищут в сказках похожих на них героев.

И девочкам, чьи истории мы сокращаем до чудес и сожалений, триумфов и предостережений, не спрашивая даже их имен.

Часть 1

Глава 1

Мне не стоило удивляться, что феи существуют.

Когда мимо окна прошло стадо слонов, в пыли вспыхнули огоньки, танцующие над бивнями и серой кожей. Я осторожно свесилась с подоконника, надеясь поймать один огонек, но слуги затащили меня обратно.

– Как не стыдно, Тарисай. – Мой учитель покачал головой. – Что скажет Леди, если ты упадешь?

– Но я хотела посмотреть на огоньки, – сказала я.

– Это всего лишь *тутсу*. – Учитель отогнал меня от окна. – Добрые духи. Они провожают потерявшихся слонов к водоемам.

– Или к львиной стае, – пробормотал другой наставник. – Если они не очень добрые.

Магия, как я вскоре поняла, была изменчивой и непредсказуемой. Однажды я прищурилась, глядя на раздутый ствол баобаба во дворе, и увидела чье-то щекастое лицо.

– *Кай-кай! Девочка-убийца!* – чирикнуло существо и исчезло в дупле.

Мне было семь, когда меня нашел «человек» с кобальтово-синими огненными крыльями. Той ночью я решила ис-

кать свою мать по всей Суоне, втором по величине королевстве Аритской империи. Я прокралась мимо храпящих горничных и учителей, набила мешок плодами манго и перелезла через кирпичную стену.

Луна высоко висела над саванной, когда путь мне преградил *алагбато* – волшебный дух. Его золотистые раскосые глаза слегка светились. Он схватил меня за шиворот и поднял над землей, внимательно разглядывая. На мне было одеяние цвета банановых листьев, оставлявшее плечи открытыми. Я махала руками и пинала воздух, пытаюсь вырваться, но алагбато молча наблюдал за мной, явно забавляясь.

«Я в своей кровати в усадьбе Бекина», – подумала я. Сердце стучало в груди, как барабан из козьей кожи. Я укусила себя за щеку, чтобы убедиться, что все еще сплю.

«Я укрыта тонкой сеткой от москитов, а слуги обмахивают меня опахалами из пальмовых листьев. Я чувствую запах завтрака из кухни. Каша из кукурузы. Жареная рыба матемба...»

Но щека начала болеть. Я находилась не в кровати. Я заблудилась на травяной равнине Суоны. Алагбато был словно соткан из огня.

– Здравствуй, Тарисай! – Мои волосы обдало дыханием – горячим, как ветер пустыни. – И куда же ты направляешься?

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – спросила я требовательно.

Неужели алагбато всезнающ, как Сказитель Ам?

– Я дал тебе это имя.

Я слишком сильно злилась, чтобы как следует задуматься над его ответом. Алагбато обязательно быть таким *ярким*? Даже его волосы сияли вокруг узкого лица подобно ореолу. Если наши охранники заметят его...

Я вздохнула. По саванне я успела пройти не больше мили. Если меня поймут сейчас, это будет ужасно унижительно. Учителя запрут меня снова – и на сей раз заколотят даже окна. Абсолютно *все*.

– Меня нельзя трогать, – огрызнулась я, царапая алагбато.

Кожа его на ощупь оказалась горячей и гладкой, как глина, оставленная затвердевать на солнце.

– Нельзя? Ты еще маленькая: можешь уместиться. Я слышал, человеческие дети нуждаются в любви и ласке.

– Ну а я не человек! – победно воскликнула я. – Поэтому отпусти меня.

– Кто это тебе сказал, девочка?

– Никто, – признала я после паузы. – Но все так говорят за моей спиной. Я не похожа на других детей.

Это не совсем правда. На самом деле я никогда даже *не видела* других детей, если не считать ребятишек из торговых караванов, проходивших мимо усадьбы Бекина время от времени. Я махала им из окна, пока рука не начинала ныть, но они никогда не махали в ответ, а просто смотрели сквозь меня, словно наша усадьба – дом, сад, постройки для прислуги, которых хватило бы на небольшую деревню, – была

невидима для внешнего мира.

– Да, – согласился алагбато мрачно. – Ты действительно не похожа на других. Хочешь увидеть свою мать, Тарисай?

Я тотчас прекратила сопротивляться, повиснув в его руках, как плющ.

– Ты знаешь, где она?

Мать была подобна утреннему туману: в одно мгновение – здесь, а в следующее – исчезает, оставив после себя лишь аромат жасмина. Учителя суеверно кланялись, когда проходили мимо ее деревянного бюста в моем кабинете. Они называли ее *Леди*. Я восхищалась нашим сходством: у меня были такие же высокие скулы, полные губы, бездонные черные глаза. Деревянная Леди неизменно наблюдала за происходящим, пока учителя толпились в комнате от рассвета до заката.

Они общались между собой на диалектах всех двенадцати королевств Аритской империи. Одни – темнокожие, как я и Леди. Другие – бледные, как козье молоко, с глазами цвета воды. Кожа третьих была красно-коричневой и пахла кардамоном, четвертые обладали золотыми волосами, стекавшими по плечам, как чернила. Учителя без усталости снабжали меня загадками и головоломками.

«Сможет ли она решить вот эту? Попробуем другую. Ей надо получше постараться».

Я не знала, что именно они искали. Но как только они находили искомое, я могла увидеть настоящую Леди.

«Сегодня Леди будет довольна», – шептали они, когда я показывала превосходные результаты. Тогда палисадные ворота усадьбы Бекина открывались, и Леди заходила в дом, далекая, как звезда. Ее плечи сияли подобно тлеющим углям. Окрашенная воском одежда облегла тело, как вторая кожа: красными, золотыми и черными зигзагами змеились узоры. Она прижимала меня к груди, и мне становилось так хорошо, что я плакала от счастья.

А она напевала:

– Я – моя. Она – это я, и она – лишь моя.

Леди никогда не общалась со мной напрямую, хотя я и демонстрировала успехи в учебе. Иногда она кивала, словно говорила: «Да, неплохо». Но в конечном итоге всегда качала головой. «Нет. Недостаточно хорошо».

Я зачитывала наизусть стихотворения на восьми разных языках. Бросала дротики в миниатюрные мишени. Решала гигантские логические головоломки, нарисованные на полу. Но каждый раз все заканчивалось одинаково: *нет, нет* и снова *нет*. А затем Леди исчезала в облаке дурманящих духов.

В пять лет я начала ходить во сне, шлепая босыми ногами по гладкому полу усадьбы. Я заглядывала в каждую комнату, жалобно хныча в поисках матери, пока кто-нибудь из слуг не относил меня в постель.

Они старались никогда не касаться моей кожи.

– Я не могу найти твою мать, – сказал мне алагбато в ночь неудавшегося побега. – Но могу показать воспоминание о

ней. Эй, не в моей голове! – Он уклонился от моих рук, потянувшихся к узкому лицу. – Я не храню в черепе секреты.

Леди запретила слугам касаться меня не просто так. Я могла украсть историю почти у всего: у расчески, у копья, у человека. Когда я чего-то касалась, то знала, где эта вещь или живое существо находились мгновение назад. Я видела их глазами, если таковые у них имелись, дышала их легкими, чувствовала то, что испытывали чужие сердца. Если я задерживалась в воспоминаниях надолго, то могла погружаться в прошлое на месяцы и даже годы.

Только Леди была неуязвима к моему дару. Я знала каждую историю в усадьбе Бекина, за исключением ее.

– Ты сможешь взять воспоминание из того места, где все и случилось, – добавил алагбато, аккуратно поставив меня в высокую траву. – Пойдем. Это недалеко.

Он протянул мне костлявую руку, но я колебалась.

– Я не знаю тебя, – сказала я.

– Ты уверена? – спросил он, и на мгновение мне показалось, что я смотрю в зеркало. Он улыбнулся, поджав губы, как сурикат. – Если тебе от этого легче, меня зовут Мелу. И благодаря *той женщине* я уже не алагбато. – Улыбка Мелу стала горькой. – Больше нет.

Меня охватил страх, похожий на дым от угольной ямы, но я заставила свои тревоги умолкнуть. *«Ты хочешь найти Леди или нет?»*

Я подобрала мешок, из которого выпала большая часть

манго, и взяла Мелу за руку. Он осторожно обхватил мою ладонь: пальцы провожатого оказались жесткими, будто из бронзы. На предплечье у него блестел украшенный изумрудами наруч: когда я случайно коснулась широкого браслета, он меня обжег.

– Осторожно, – пробормотал Мелу.

Мы вышли на поляну, где росли акации. Над гладью озера хлопали крыльями цапли. Воздух пах лилиями и фиалками, кусты шелестели бессловесную колыбельную.

– Ты здесь живешь? – спросила я восхищенно.

– В некотором смысле, – ответил он. – Первую тысячу дней все было прекрасно. Но постепенно пейзаж начал меня утомлять.

Я моргнула в недоумении, но он не стал пояснять, только показал на мягкую темно-красную почву под ногами:

– Вот тут.

Я осторожно прижала ухо к земле. Мне никогда еще не доводилось забирать историю из места, которое было больше, чем моя спальня. Знакомый жар охватил щеки и ладони, когда разум зарылся в почву, цепляясь за самое сильное воспоминание.

А крылатый мужчина и цапли исчезли.

* * *

Поляна стала моложе: теперь на ней – меньше акаций и

кустов. День в самом разгаре. Вода в янтарном озере – чистая и прозрачная, нет ни рыбы, ни мух-однодневок.

Сердце пропускает удар: Леди, моя Леди, небрежно облокачивается на прибрежный камень. Ее отражение в воде превращается в солнечную мозаику, искажающую лицо и облако полночно-черных волос. Одежда измята и местами порвана, сандалии изношены до дыр. Я беспокоюсь: *«От чего же ты бежала, матушка?»*

Леди окунает в воду наруч с изумрудами. Она что-то шепчет, нежно целует браслет: драгоценные камни вспыхивают и гаснут.

Потом она откладывает наруч в сторону и зовет алагбато: – Мелу!

Она пробует слово на вкус, растягивая оба слога, как песню.

– Мелу, дорогой! Не выйдешь ли поиграть?

В ответ – тишина. Леди смеется – глубоко и низко.

– Провидцы говорят, что алагбато не любят людей. Некоторые даже сомневаются, что ты существуешь, Великий Мелу, хранитель Суоны. Но я знаю, что ты меня слышишь. – Она достает из кармана зеленый флакон и слегка наклоняет его над озером. – И слышишь прекрасно.

Горячий ветер проносится над поляной, вылепливая из пыли и глины высокого стройного мужчину.

Его крылья сияют кобальтово-синим, как едва разгоревшееся пламя, но голос у него ледяной:

– *Остановись.*

– Я бы назвала тебе свое имя, – говорит Леди. – Если бы только отец потрудился мне его дать.

Она делает паузу, все еще наклоняя флакон над озером.

– Как быстро кровь *абику* впитается в воду и землю, Мелу? Как много ее понадобится, чтобы отравить всех живых существ на пятьдесят миль вокруг? Две капли? Три?

– Не надо, – поспешно выпаливает Мелу. – Постой.

Леди указывает ему на изумрудный наруч.

На лице Мелу читается поражение. Стиснув зубы, он подбирает наруч и защелкивает на руке.

– Если я сделала все правильно, – продолжает Леди, – то ты больше не алагбато Суоны. Ты мой личный *эру*... джинн.

– Три желания, – выплевывает Мелу. – И я буду привязан к равнине, пока не исполню их.

– Как удобно.

Леди садится, задумчиво болтая в воде мускулистыми коричневыми ногами.

– Мелу, я желаю крепость, которую никто не сможет увидеть, пока я не захочу. Дом, где я и мои друзья всегда будем в безопасности. Что-то... подходящее для королевы. Таков мой первый приказ.

Мелу моргает.

– Сделано.

– Где?

– В полумиле отсюда. – Мелу указывает: вдалеке сияют

гладкие стены новоявленной усадьбы Бекина.

Леди лучится довольством.

– А теперь, – выдыхает она, – я желаю смерти Олугбаде...

– Этого я не исполню, – перебивает Мелу. – Жизнь и смерть – не в моей власти. Особенно *эта* жизнь. Даже духи не могут убить Лучезарного.

Леди недовольно поджимает губы, но затем немного расслабляется.

– Да, как и ожидалось, – говорит она. – Что ж. Тогда я желаю иметь дитя, которое будет делать, думать и чувствовать именно то, что я ему скажу. Продолжение меня. Одаренное дитя, способное выиграть состязание талантов. Таков второй приказ.

– Невозможно, – возражает Мелу. – Я не могу заставить человека любить или ненавидеть. Ты не сумеешь *владеть* ребенком, как владеешь эру.

– Разве?

Леди в задумчивости складывает пальцы башенкой. И вдруг холодно улыбается, демонстрируя белоснежные зубы.

– А если, – добавляет она, – мое дитя *и будет* эру? Если оно родится от тебя?

Мелу застывает, как дерево в сухой сезон.

– Такой союз противоестественен: ты человек. Мы относимся к разным видам. Ты просишь меня совершить нечто отвратительное.

– Вовсе нет, Мелу.

Черные глаза Леди встречаются взглядом с глазами эру, полными ужаса.

– Я *приказываю* это совершить.

* * *

Затем они провели некий ритуал, значения которого я в свои семь лет еще не понимала. Все выглядело болезненно – то, как тело Мелу изгибалось над плотью Леди, лежащей в траве. Два вида, которые никогда не должны были соединиться, разные, как плоть и металл, слились воедино. Но как сказало мне воспоминание, девять месяцев спустя в усадьбе Бекина раздался громкий младенческий плач. Третье, не исполненное желание Леди, текло с тех пор по моим венам.

* * *

– Теперь ты понимаешь? – произнес Мелу, когда воспоминание закончилось. – Пока ты не исполнишь ее третье желание, ни ты, ни я не будем свободны.

Он дотронулся до моего лба длинным тонким пальцем.

– Я торговался с Леди за право назвать тебя Тарисай. Это суоннское имя. Оно значит: «*Узри-Грядущее*». Твоя душа пока принадлежит ей, но я настоял: имя должно принадлежать только тебе самой.

Его голос звучал словно издалека. История Леди утомила меня. Я едва почувствовала, как Мелу подхватил меня на руки и взлетел в ночное небо, чтобы оставить у ворот усадьбы Бекина.

На прощание он прошептал:

– Я привязан к саванне уже более семи лет. Ради своего блага я надеюсь, что женщина получит желаемое. Но ради твоего блага, дочь моя, надеюсь, что этот день никогда не настанет.

Затем слуги сбежались к воротам, и Мелу исчез.

Дюжина беспокойных рук уложила меня в кровать. Приторные голоса хором успокаивали меня, когда я стала рассказывать о Мелу на следующий день. «*Это только сон*», – твердили учителя. Но их расширенные зрачки и натянутые улыбки говорили совсем другое. Мое приключение укрепило самые зловещие подозрения наставников.

Подозрения в том, что моя мать – дьявол, а я – ее ручной демон.

Глава 2

На равнинах Суоны тепло даже в сезон дождей. Но вокруг меня воздух всегда казался холодным. С каждым днем рождения – мне исполнилось восемь, девять, десять – я дрожала в стенах усадьбы Бекина, окруженная слугами, которые всегда держали дистанцию. Иногда я тосковала по человеческим прикосновениям так сильно, что наклонялась щекой к открытому огню. Языки пламени обжигали кожу, но я улыбалась, притворяясь, что меня гладят пальцы Леди.

В итоге я однажды случайно упала в кухонный очаг. Слуги вытащили меня из огня, рыдая, вознося молитвы Сказителю Аму.

Дрожа, я шепотом повторяла:

– Я не могу умереть, я не могу умереть, матушка скоро вернется, а значит, я не могу умереть.

Но я не получила ожогов. Одежда превратилась в дымящиеся угольки, зато кудрявые черные волосы даже не занялись.

Горничные смотрели на меня в ужасе. А я вспомнила слова Леди из ее первого желания: *«Дом, где я и мои друзья всегда будем в безопасности».*

– Это матушка, – сказала я, задыхаясь от восторга. – Она защитила меня.

С того дня слуги стремительно начали сесть. Я прыгала с

ограды, погружала голову в ведра с водой, ловила ядовитых пауков, заставляя их укусить меня.

– Я не умерла! – со смехом восклицала я, пока слуги вправляли мои сломанные кости и заливали в горло чай с противоядием.

– Да, – говорила сквозь зубы целительница. – Ведь мы вовремя тебя нашли.

– Нет, – настаивала я мечтательно. – Это потому, что матушка меня любит.

Учителя постепенно теряли терпение, однако знали: чем скорее они сделают из меня то, что хочет видеть Леди, тем быстрее смогут избавиться от меня. Занятия продолжались. Лекции гудели в ушах, как назойливые мухи. Каждый день в нос ударял запах чернил, и каждую ночь меня преследовал запах жасмина. Но воспоминание Мелу пробудило в душе голод, который не могли утолить манговые сады усадьбы Бекина. Я жаждала увидеть мир за воротами крепости Леди.

Огромный глобус стоял на деревянной подставке в кабинете. Неровные края континентов окружал синий океан, который я никогда не видела. Самый большой континент, на котором располагалась и Суона, представлял собой лоскутное одеяло из саванн, лесов, пустынь и снежных тундр. Это, как объясняли учителя, – наш Аритсар.

Бессмертная Аритская империя, долгие лета роду Кунлео.

Исторические свитки, которые я изучала, в основном бы-

ли отредактированы. Наставники вычеркивали строчки или целые страницы черными чернилами, отказываясь называть мне причину. Однажды мне удалось прочесть несколько замаранных параграфов, держа бумагу на свету, пока учитель не вырвал свиток из моих рук.

Но я кое-что выяснила. Давным-давно Аритсара даже не существовало. В те далекие времена из бескрайнего океана торчали лишь отдельные острова-государства. На эти двенадцать слабых и враждующих друг с другом стран постоянно нападали абику – демоны из Подземного мира. Затем полководец Эноба Кунлео по прозвищу Совершенный высвободил силу земли и объединил острова в гигантский континент. Он короновал себя императором, а правителей государств сделал вассалами. Потом он сразился против абику, собрав Армию Двенадцати Королевств. Противники были равны: война смертных и демонов длилась десятилетиями, пока наконец истощенные борьбой стороны не заключили перемирие.

Энобу называли спасителем Аритсара. Правители континента благодарили его за установление мира в их вассальных владениях. И вот уже несколько веков потомки Кунлео правят Аритсаром из Олуона – родного королевства императора, объединяя двенадцать стран для совместных успехов в области искусства, науки и торговли.

Каждый раз, когда караваны проходили мимо усадьбы Бекина, я слышала, как торговцы поют, восхваляя империю, пока их жены укачивали младенцев, а дети постарше бегали

вокруг верблюдов:

Барабаны его – Олуон и Суона: нсе-нсе!
Плуг его – Дирма с Ниямбой: гпо-по!
Любуются Спарти и Мью его танцем,
Золото с черным: старший брат наш прекрасен!

Точит Кетцала копье его: нсе-нсе!
В Благословенной Долине ткут платье,
Нонт с Бирасловом любят танцем,
Золото с черным: старший брат наш прекрасен!

Косы ему заплетает Джибанти,
Носит Морейо вино ему: гпо-по!
Одиннадцать лун любят танцем,
Золото с черным: старший брат наш прекрасен!

Нынешним «старшим братом» Аритсара, то есть императором, был Олугбаде Кунлео – прямой потомок Энобы Совершенного. Я мурлыкала себе под нос эту песню, прогуливаясь в манговом саду. Пробираясь сквозь заросли, я разговаривала с невидимым первым правителем, делясь с ним мыслями по поводу аритской истории и управления страной. Иногда я представляла, что он смотрит с облаков, согревая мои голые плечи своим солнечным одобрением. Какой же он, должно быть, великий человек, раз объединил так много земель!

Дирма. Нонт. Джибанти. Названия королевств Аритской

империи отдавали чем-то острым на языке. Я тосковала по этим далеким местам, которые учителя описывали так живописно...

Молочные фермы Морейо. Ночные празднества Ниамбы. Снежные пики Бираслова. Коварные тропические леса Кетцалы.

Я лежала на спине, глядя на манговые деревья, и пыталась представить высокие дома Олуона – столицы нашего божественного императора. Даже в Суоне имелись свои загадки. Я никогда не покидала саванну, но слышала истории о густых зарослях деревьев какао и о рынках, где женщины носят в корзинах на головах засахаренные плоды папайи.

Но еще больше, чем о городах и тропических лесах, я мечтала о том, чтобы меня не называли *демоном*.

Я завидовала детям, которых видела вне стен усадьбы Бекина: они сидели на руках у бабушек и дедушек, бегали наперегонки с братьями и сестрами. А меня только Леди касалась добровольно.

Однажды утром, наблюдая за караванами из окна, я выучила другую песню.

Одиннадцать лун вокруг трона танцевали,
Одиннадцать лун вокруг солнца сияли,
Сияли славой, славой.
Но рушились империи, а люди предавали.
Солнце-Луч-Солнце вновь будет всеми править,
Когда все сказано, сказано,

И все сделано, сделано.

Мне понравился зловещий ритм. Я шептала эту песню, словно заклинание, разгуливая по усадьбе, пока меня не позвала учительница. Она спросила дрожащим голосом, где я слышала такую бессмыслицу. Я рассказала ей... и на следующий день все окна в кабинете оказались заколочены наглухо.

Я пыталась оторвать доски, пока пальцы не начали кровоточить. Окна были моим спасением, порталом в Аритсар – ведь так я чувствовала себя менее одинокой. Как они посмели?

Но окна исчезли, как исчезала Леди, Мелу и все остальное, что было мне дорого.

Я угрожала поджечь кабинет.

– Я сделаю это! – выла я. – Почему бы и нет? Со мной-то ничего не произойдет. А ваши свитки – сгорят. И *вы* тоже!

Учителя побледнели.

– Мы не можем научить тебя всему, – говорили они, перевязывая мои израненные руки. – А эта песня запрещена.

Как и Леди, наставники тоже имели привычку пропадать на несколько месяцев. Обычно это случалось после очередного визита Леди, когда она находила мои успехи в учебе неудовлетворительными. Тогда привычных учителей на время сменяли новые, еще более нервные.

Вот и на мой одиннадцатый день рождения две новые пер-

соны прибыли в усадьбу Бекина. Сопровождал их самый желанный для меня подарок.

– Матушка! – воскликнула я, бросаясь к ней, чтобы обнять.

Окрашенное воском одеяние Леди царапнуло мне лицо, когда я прижалась к матери. Она нежно дотронулась ладонью до моей щеки – я вздрогнула, но прикосновение было приятно.

– Привет, Сделана-из-Меня, – сказала Леди, отстранилась и вновь напела пугающую колыбельную: – *Я – моя. Она – это я, и она – лишь моя.*

Мы стояли на просторной открытой террасе усадьбы Бекина. Солнечные лучи падали на пол, выложенный глиняной плиткой, и озаряли Леди и ее облако темных волос. Рядом с ней стояли два незнакомца – так близко, что я им завидовала.

– Друзья, – произнесла Леди, – прошу, скажите моей дочери, что вы – ее новые постоянные охранники.

Она редко обращалась ко мне напрямую. Когда же это делала, то говорила кратко и с паузами, осторожно подбирая нужные фразы. Позже я поняла: Леди опасалась случайно что-то мне приказать – и потратить драгоценное третье желание, которое до сих пор спало у меня внутри.

Слово «постоянные» привлекло мое внимание. Слуги не задерживались в доме дольше чем на пару месяцев. Старшая из незнакомцев, элегантная женщина примерно возраста Ле-

ди, была целиком одета в зеленое. Из-под капюшона плаща, который она не сняла даже в жару, торчали завитки кудрей. «Изокенка», – догадалась я.

Изокены рождались от браков представителей разных народов Аритсара. Чтобы укрепить единство империи, правительство поощряло семьи золотом из императорской казны за каждого ребенка-полукровку.

– Я Кэтлин, – представилась женщина и вздохнула, повернувшись к Леди. – Надеюсь, это создание не доставит нам проблем. У нее есть имя, помимо Сделана-из-Меня?

– Эру зовет ее по-другому, – сказала Леди.

Меня учили распознавать акценты. Кэтлин слегка шепелявила, что выдавало в ней уроженку Мью – зеленой холмистой страны на северных окраинах Аритсара.

– Меня зовут Тарисай, – встряла я, поздоровавшись с Кэтлин на мьюйском и надеясь ее впечатлить. – Пусть ваши осенние листья снова станут зелеными!

Я не знала, что такое осень, и никогда не жила в тех краях, где деревья меняли цвет, но это походило на хорошее пожелание.

– Великий Ам, Леди, – хмыкнула изокенка. – Ты что, учила ее говорить на *всех двенадцати* языках империи?

– Не повредит, чтобы выделиться на фоне остальных, – ответила Леди самодовольно.

– Они уже не проверяют детей на знание разных языков, – возразила Кэтлин. – Больше нет. Каждое королевство теперь

говорит на аритском. В этом весь смысл империи.

– Только жители Аритсара, – вставил второй незнакомец, – гордятся тем, что их культуру стирают. Зачем уникальность, когда можно быть одинаковыми?

Он выглядел гораздо младше Кэтлин, вероятно, лет на двадцать, и казался юношей, а не зрелым мужчиной. Его голос походил на паутину – такой же мягкий и легкий. Я не могла распознать его акцент.

Он оглядел меня глазами, похожими на половинки луны, вздернул угловатый подбородок и перебросил конец синего плаща на сгиб локтя. Кроме плаща на нем были только штаны, и каждый дюйм его тела – лицо, руки, грудь и ступни – покрывали геометрические фиолетовые татуировки. Мне, наверное, почудилось, но на мгновение они вспыхнули.

Он насмешливо поклонился. Прямые черные волосы упали на плечи.

– Приятно познакомиться, Дочь Леди. Мое имя Ву Ин. Моя родина, слава Сказителю, лежит за пределами вашей неестественным образом объединенной империи.

Я ахнула:

– Ты из Сонгланда!

– Так удивляешься, как будто Сонгланд по меньшей мере царство фей! – Он закатил глаза. – Разумеется, я оттуда. Я же покрыт этими замечательными рисунками, верно?

Его тон сочился сарказмом, но мне и правда понравились узоры, хотя они и внушали некоторое беспокойство. Они

змеились по лицу и шее молодого человека, как логическая головоломка без решения. Я сглотнула: Ву Ин являлся Искупителем.

Сонгланд был бедной страной на полуострове – на краю континента. Предки нынешних обитателей Сонгланда отказались признать Энобу императором, и в результате крошечное королевство исключили из торговых соглашений Аритсара.

От остальной империи Сонгланд был отрезан горной цепью. В Аритсаре и вовсе забыли бы о его существовании, если бы не Искупители.

Эноба Совершенный заплатил за мир высокую цену. Каждый год три сотни детей посылали к Разлому Оруку – последнему известному входу в Подземный мир. В обмен на эту жертву абику не нападали на человеческие города и деревни.

Дети, известные как Искупители, рождались с картой на коже, с помощью которой должны были пройти через Подземный мир и вернуться обратно в царство живых. Немногие переживали это путешествие. Как следствие некоторые семьи прятали своих Искупителей. Но за каждую пропущенную жертву абику насылали на континент полчища чудовищ и болезни.

Считалось, что Искупители рождаются случайным образом, у любого народа и социального класса. Однако по какой-то причине последние пятьсот лет они появлялись толь-

ко в Сонгланде.

Никто не знал, почему. Впрочем, жители Аритсара, освобожденные от необходимости жертвовать собственными чадами, придумали множество теорий, чтобы хоть как-то успокоить совесть. Они утверждали, что сонгландцы наверняка чем-то оскорбили Сказителя Ама. Или Искупители стали наказанием за какой-то прошлый грех в истории гордого королевства. Или, возможно, Сонгланд был *благословлен* Сказителем, а их дети — это святые, рождающиеся для принесения в жертву ради общего блага.

Последнее, разумеется, подразумевало под собой благо Аритсара.

Я покосилась на Ву Ина. Он не выглядел особенно святым. Но, конечно, он был особенным, раз выжил в Подземном мире. В тех редких случаях, когда Искупители возвращались оттуда живыми, они были безвозвратно изменившимися.

Я улыбнулась ему и Кэтлин. Может, если я понравлюсь незнакомцам — моим *постоянным охранникам*, — то мне больше не придется разговаривать с невидимым императором?

У меня впервые появятся друзья. Настоящие, а не воображаемые.

«Пожалуйста, только не считайте меня демоном, — мысленно взмолилась я. — Считайте меня обычной девочкой. Нормальной, совсем не страшной девочкой из торгового ка-

равана».

— Нам *правда* нужно с ней нянчиться? — недовольно обратилась Кэтлин к Леди. — Разве ты не можешь нанять немую гувернантку или подкупить обычную, чтобы она молчала?

— Нет, — отрезала Леди. — Когда моя дочь покинет пределы усадьбы Бекина и поедет в Олуон, я не смогу контролировать то, что она видит и слышит. Она должна находиться рядом с людьми, которым я доверяю.

Что?

«Я покину усадьбу Бекина?»

Кэтлин скрестила руки на груди.

— Ты уверена, что это... существо, созданное для исполнения желания, готово?

— У нас мало времени. Другие дети уже проходят отбор. Если мы не поспешим, в Совете принца не останется места...

Леди умолкла, оборвав себя на полуслове, и бросила нервный взгляд в мою сторону.

— Не волнуйся, — сказала Кэтлин с ухмылкой. — Мы всегда можем *освободить* место.

Леди нахмурилась.

— Надеюсь, в том не будет необходимости. Император и его... — Леди снова не договорила, глянув на меня. — Император и его... друзья... слишком умны, чтобы на такое купиться. Она должна пройти отбор как можно более естественным образом.

Кэтлин рассмеялась.

– Нам тоже нужно следить за словами? Она ведь все равно узнает.

– Невежество заставит ее казаться более чистой, – ответила Леди мрачно. – Император таких любит.

– Значит, сегодня ты загадаешь желание? – спросил Ву Ин.

Леди кивнула и, к моему потрясению, ласково дотронулась до лица Искупителя, как несколько минут назад дотрагивалась до моего. Юноша прильнул к ее руке, целуя ладонь. Во мне мгновенно вспыхнула зависть.

Леди сказала:

– Ты сумеешь ее сберечь. Я знаю.

Голодным взглядом он всмотрелся в ее лицо, затрепетав, как мотылек перед пламенем свечи.

– Я верю в наше дело.

Леди растрепала его волосы:

– А я верю в тебя.

– Зачем мы едем в Олуон? – потребовала ответа я. – Ма-тушка, ты тоже?..

– Нет, Сделана-из-Меня. – Леди присела на широкие перила, солнце подсвечивало ее, обрамляя силуэт женщины ангельским ореолом. – Я приду за тобой, когда настанет время.

Она похлопала по коленям, кивая мне, чтобы я подошла поближе.

Позже и до конца своей жизни я буду мечтать, чтобы в

ту секунду вселенная подала мне какой-нибудь знак. Предупреждение о том, что сейчас случится. Но нет: воздух был теплый и спокойный, вдалеке пели птицы. Я радостно бросилась в объятия матери.

Несколько мгновений она гладила меня по спине, глядя на марево в небе Суоны.

– Должно быть, ты так напуган, – сказала она, обращаясь к кому-то невидимому. – Ты посадил меня в клетку, как птицу, но так и не смог заставить петь.

Затем Леди велела Кэтлин:

– Дай ей портрет.

Мне вручили картину в позолоченной овальной рамке. На полотне был изображен мальчик с кудрявыми волосами и самой радостной улыбкой, которую я когда-либо видела. На темном лице с широкими чертами сияли наивные карие глаза.

– Почему он счастлив? – спросила я.

Леди выгнула бровь:

– Разве тебе не интересно, кто он?

Я пожала плечами, и она ответила на мой вопрос:

– Он счастлив, потому что у него есть все, чего ты хочешь. Власть. Богатство. Наследие. Его отец украл все это у тебя и отдал сыну.

– Осторожно, Леди, – пробормотала Кэтлин. – Помни: она должна его полюбить.

Я нахмурилась, ничего не понимая. Разве я хотела власти

и богатства? И почему я должна любить мальчика на картине? Но руки Леди, поглаживающие мою спину, и аромат жасмина мешали мыслить ясно. Я прильнула к матери, мгновенно выбросив из головы и портрет, и украденное счастье. Я бы обменяла все богатства Аритсара на простые объятия. На то, чтобы меня касались без страха и никогда не называли «опасной».

– Ты слушаешь, Сделана-из-Меня? – прошептала Леди.

Я на миг закрыла глаза и кивнула, прижимаясь щекой к ее груди. Сердце Леди билось быстрее, чем крылья колибри. Следующие слова Леди подбирала с особой тщательностью:

– Когда ты встретишь этого мальчика...

Что-то во мне, спавшее годами, пробудилось, обжигая кожу, как наруч на запястье Мелу. Я взглянула на портрет, на мгновение мои глаза отразились в стекле, защищающем картину, и вспыхнули изумрудным светом.

– Когда ты полюбишь его сильнее всего – и когда он помажет тебя как свою...

Леди замолчала и коснулась портрета, закрывая рукой ослепительную улыбку мальчика.

– Я приказываю тебе убить его.

Глава 3

Я согнулась над миской в рвотном позыве: от всей этой тряски меня тошнило.

– Я же говорила, что путешествовать через камни переноса – плохая идея! – рывкнула Кэтлин на Ву Ина, выливая содержимое миски в окошко. – Надо было поехать на верблюдах. Камни переноса слишком мощные. Она никогда раньше не подвергалась магическому воздействию.

– Ее растили в невидимом доме, – заметил Ву Ин сухо. – Скоро она будет в порядке. Кроме того, похоже, ее бы тошнило и на верблюдах тоже.

Сегодня состоялась моя первая поездка в крытой повозке с впряженным в нее мулом. Никогда раньше я не каталась на каком-либо транспортном средстве. Покинув усадьбу Бекина, мы пересекли два королевства за пару недель. На мулах, на верблюдах или на пароме подобное путешествие заняло бы несколько месяцев. Но мы сократили путь через камни переноса, которые представляли собой мощную и опасную магию, растворяющую тела и собирающую их заново на большом расстоянии. Порты с камнями переноса были разбросаны по всему Аритсару и охранялись Имперской Гвардией.

Когда мы проходили мимо солдат, Кэтлин заставляла меня прятать лицо под капюшоном.

– Не привлекай внимания, – ворчала она. – Ты как две капли воды похожа на Леди.

Я не понимала, почему сходство с матерью так опасно. На самом деле, поглощенная приключением, я часто и вовсе забывала о желании Леди. Ее смертоносные слова расплывались в сознании, когда я увидела чудеса из книг и свитков. *Город. Рынок. Гора. Озеро. Лес.* Мир вокруг меня был огромным – каковы шансы, что я вообще встречу мальчика с портрета?

После первого магического перемещения меня вырвало прямо на сапоги Кэтлин. Солдаты предупредили нас, что лучше не пользоваться камнями переноса чаще одного раза в месяц, но Ву Ин настоял, что мы должны совершать по два прыжка в неделю.

После четвертого перемещения моя левая рука исчезла. От ужаса я чуть не потеряла сознание, однако потерянная конечность, померцав немного, все-таки согласилась вернуться. В итоге Ву Ин сдался и согласился на повозку. Мы часами ехали по пыльной дороге, останавливаясь только на ночь в постоянных дворах. Я дышала над имбирным супом, чтобы меня перестало тошнить, а затем падала без сил на соломенный тюфяк, настолько уставшая, что даже не видела снов.

Сегодня тошнота от камней переноса наконец начала спадать. Когда меня вырвало в миску, я почувствовала себя намного лучше и с любопытством свесилась из окна повозки.

Мы ехали на побережье Олуона, где в изобилии росли пальмы и апельсиновые деревья, дни были длинные и теплые, а ночи поцелованы дождем. Сердце билось быстрее при виде незнакомых пейзажей, проплывающих мимо: холмистых зелено-золотых равнин, усеянных озерами и пальмовыми рощами. Я жадно глотнула утренний воздух, почувствовав запах цитрусов и морской соли.

– Маленький демон! – зашипела Кэтлин, заметив, что я делаю. Она попыталась втащить меня обратно, схватив за шиворот. – Ради Ама, кто-нибудь может тебя *увидеть*, несносный ребенок! Не высовывайся!

– А вот и буду, – возразила я, смеясь, пока ветер трепал мои многочисленные косички. – Я больше никогда не отойду от окна!

– Ты не доживешь до другого окна, – пригрозила Кэтлин, сумев затащить меня внутрь повозки, – если будешь продолжать в таком духе. Ты – секрет. Тебя не должно существовать.

Я нахмурилась:

– Все потому, что мой отец – эру?

– Да будь он хоть самым дьяволом – это не имеет значения, – буркнула она. – Для императора гораздо большей угрозой всегда будет твоя мать.

Я попыталась настоять на том, чтобы она дала развернутый ответ, но Кэтлин отказывалась пояснять что-либо еще. Я разочарованно отодвинулась от нее и села поближе к Ву

Ину.

Я пока не простила Искупителя за то, что он поцеловал руку Леди, но он, по крайней мере, не воспитывал меня. Вообще редко говорил, разве что иногда бормотал себе под нос нечто едкое или тихо ругался, когда вспыхивали его татуировки.

– Рисунки на коже делают тебе больно? – Я нахмурилась, глядя на охранника. – Почему карта не исчезла, когда ты вернулся из Разлома?

Ву Ин напрягся.

– Карта исчезнет, когда исчезнут кошмары, – сказал он кисло.

Я решила, что лучше его об этом не спрашивать. Но любопытство съедало меня изнутри: сколько лет было Ву Ину, когда родители отдали сына абику? На что похож Подземный мир?

Однажды на постоялом дворе я притворилась, что сплю, заметив, как Ву Ин смотрит в окно. Плечи юноши дрожали, и я вдруг поняла, что он плачет. Будто пытаюсь сбежать от монстров, которых мог видеть только он, Ву Ин набросил на плечи плащ и выпрыгнул наружу.

А потом я различила над крышами темный силуэт: Ву Ин парил в лунном свете.

– Все сонгландцы умеют летать? – спросила я, толкая его плечом.

Он нахмурился, недовольный тем, что я узнала его секрет.

– Нет. Это мой Дар.

– Дар?

– Врожденная способность. Только люди с Даром могут служить Леди. Он есть у всех нас.

У всех нас. Мне стало интересно: а много ли у Леди друзей?

– У тебя тоже есть Дар? – спросила я Кэтлин.

Она кивнула:

– Я могу менять внешность любого человека. Включая и тебя, хотя, пожалуй, камни переноса уже с лихвой встряхнули твои внутренности. – Она задумчиво выглянула в окно. – Это довольно удобно, поскольку жители Мью с неодобрением относятся к изокенам. В Олуоне, по крайней мере, никому нет дела до моей внешности. Им все равно, пятнистая я или в полоску.

– Покажи! – взмолилась я.

И внезапно вместо Кэтлин, сидящей напротив меня, появился второй Ву Ин. Я подпрыгнула, испуганно вцепившись в руку первого Ву Ина. Но *он* теперь стал Кэтлин.

– Приветствую, Дочь Леди, – сказал иллюзорный Ву Ин, отбрасывая за плечо прямые черные волосы. – Это я, твой угрюмый принц-нянька. Сейчас я буду с мрачным видом размышлять о своем трагическом детстве.

Иллюзорная Кэтлин закатила глаза.

– Очень смешно.

Настоящая Кэтлин замерцала, вновь превратившись в са-

му себя, и вернула Ву Ину истинный облик.

– Принц? – пробормотала я, насупившись.

Учителя заставляли меня выучить имена всех живых членов королевских династий на континенте, но я никогда не слышала о принце Ву Ине. У королевы Хэ Сунь из Сонгланда была только одна наследница: принцесса Минь Цзя.

– Я не попал в официальные записи, – сказал Ву Ин без всякого выражения. – У нас стараются их избегать, если ты проклят.

Наша повозка приближалась к городским воротам. Дороги стали шире, а воздух наполнился голосами и стуком копыт. Вдоль широкой реки Олорун пролегал главный торговый тракт, а по самой реке туда-сюда ходили баржи с грузами.

Кто-то бил в барабан и смеялся. Мимо нас рядами промаршировали мужчины, что-то распевая. Кэтлин спрятала меня в глубину повозки, но мне удалось бросить украдкой взгляд на горизонт, и сердце еще чаще забилося от восторга.

В небеса стремились золотые купола и призрачно-белые высокие здания. Городские стены окружал туман, и река Олорун огибала столицу империи, как исходящая паром синяя змея.

Когда на дорогах стало слишкомлюдно, мы сменили повозку на паланкин. У меня просто дух захватывало. Я выглядывала наружу из-за полупрозрачных занавесок, пока бегуны несли нас вперед.

Улицы кишели торговцами и груженными мулами, радостными детьми и надменными учеными, жрецами, проповедниками, сказителями и уличными плетельщицами косичек. Лоточники продавали все – от орехов колы до кафтанов, от пойманных в клетку *спрайтов* до твякающих щенков гиены. На каждой площади сверкали обсидиановые статуи Энобы Совершенного.

Кэтлин объяснила, что старейшие и богатейшие семьи Олуона считаются носителями голубых кровей: их кожа настолько черна, что отдает синевой, будто драгоценный кобальт. Но город развивался вместе с Аритской империей: теперь здесь обитали люди самого разного телосложения, говорившие на многих языках и продававшие какие угодно пряности и ткани. В воздухе пало смесью карри, лаванды и кайенского перца. С севера привозили клетчатую шерсть, с юга – шелк, а из центральных королевств – окрашенную воском ткань, и все товары могли висеть бок о бок в самой обычной лавке.

Музыка и диалекты с разных концов империи сливались в оглушительную какофонию.

– Не дай ей увидеть Стену Смотрящих! – рявкнула Кэтлин спустя некоторое время.

Ву Ин подчинился, схватив меня за руки и закрыв мои глаза ладонью. Но мне все равно удалось подглядеть сквозь его пальцы... хотя я не поняла, что именно увидела.

Через город проходила стена высотой в несколько этажей.

На ней высились выложенные разноцветной мозаикой коронованные фигуры. Они выглядели угрожающе. Я узнала одного из них: это был Эноба Кунлео, красивый широконосый мужчина. Статуи легендарного императора стояли по всему Олуону.

Другие статуи мужчин и женщин показались мне почти такими же роскошными, как император. Я рефлекторно сосчитала количество в ближайшей группе: *одиннадцать*.

Почему число казалось мне знакомым? Оно нависло над головой, словно грозовая туча.

Ву Ин отпустил меня, когда уличный шум стал тише. Теперь я снова могла любоваться Олуоном. Дома стали еще больше. Повсюду журчали фонтаны и мягко шелестели деревья. Откормленные аристократы выезжали в паланкинах из дворов особняков. Я с любопытством отметила, что усадьба Бекина была построена по образцу здешних поместий. В утреннем солнце гордо сверкали белые стены и красные крыши.

– Это Илайоба, – пробормотала Кэтлин одновременно мечтательно и опасно. – Район, где живет император и те, кто может позволить себе такое соседство.

На зеленом холме в небо устремлялись купола огромного дворца.

– А это, – сказала Кэтлин, – Ан-Илайоба – жилище императора. Вот и твоя последняя остановка, маленький демон.

– Почему? – спросила я, даже не надеясь получить ответ.

У ворот нас проверили на наличие оружия. Со стен Ан-Илайобы ниспадали гигантские черные флаги длиной в десять этажей. На каждом стяге была изображена императорская печать Кунлео: золотое солнце, окруженное одиннадцатью лунами.

– По какому делу? – проворчал стражник.

Кэтлин показала на меня:

– Прибыла кандидатка.

Мы спустились с паланкина, и стражник махнул в сторону дворца.

Когда мы вошли во дворец, то очутились в просторном шумном зале с мраморным полом, украшенном изображением солнечных дисков.

Здесь было полным-полно детей, приехавших из каждого королевства Аритсара. Все они были в разной степени одетости.

Некоторые отмывались в лоханях, после чего их проверяли на вшей. Другие тренировались, орудуя деревянными копьями. Кто-то декламировал поэмы, держа в руках свитки, или брал лихорадочные аккорды на музыкальных инструментах, а кто-то просто красовался, с улыбкой глядя на свое отражение в зеркале:

– Для меня честь встретиться с вами, Ваше Императорское Высочество, – повторяли дети так и эдак.

Большинство были одеты в черные туники, закрепленные на плечах блестящими брошками в виде солнца и лун. Двор-

цовые слуги в парчовых одеяниях наблюдали за приготовлениями, и, если какого-нибудь ребенка считали подходящим, — я не знала, для чего именно, — стража подталкивала кандидата к очереди, которая терялась в спиральных завитках каменной лестницы.

— Возраст? — произнес клерк с огромной книгой и пером, поднимая на меня взгляд.

— Одиннадцать, — ответила Кэтлин. — Как и Его Императорскому Высочеству. Ее зовут Тарисай, и она из Суоны.

Клерк с подозрением уставился на меня.

— Вы уверены? Имя похоже на суоннское, но *выглядит* она как олуонка.

Кэтлин подтолкнула меня в спину, и я, вскрикнув, издала возмущенный возглас и выругалась. Мой суоннский акцент убедил клерка. Он кивнул группе дворцовых слуг, которые тотчас взяли меня под руки.

Я сопротивлялась, цепляясь за Ву Ина, но он прошептал:

— Теперь ты сама по себе, Дочь Леди. Мы не можем остаться.

— Что происходит? Что эти люди со мной сделают?

Ву Ин нервничал, но ободряюще сжал мою ладонь.

— С тобой все будет в порядке, — прибавил он. — Мы всегда будем рядом, даже если ты не будешь нас видеть. А тебя к этому готовили.

— Готовили? К чему?

Но стражники прогнали Ву Ина и Кэтлин, и последняя

ниточка, связывающая меня с домом, с усадьбой Бекина и всем, что я знала, исчезла.

Пять пар рук сняли мою одежду и начали натирать меня мылом из банановой золы. Волосы вымыли сладко пахнущей водой, расчесали и натерли маслом ши, пока не засияла каждая кудряшка. Затем на плечи мне набросили струящуюся черную тунику и завязали пояс с символикой родного королевства. Ткань была насыщенно-синяя, как небо Суоны, и украшена слонами и цаплями. Через пару часов я присоединилась к очереди ждущих на лестнице детей – наши сандалии скользили по каменным ступенькам. Любопытство приглушало страх: я никогда еще не стояла рядом с ровесниками. Передо мной нервно топталась на месте девочка с огромными светло-ореховыми глазами. Ее волосы и шея покрывала прозрачная красная вуаль, а на поясе были изображены верблюды. Я догадалась, что она из Благословенной Долины: пустыни, где обитали кочующие пастухи и ремесленники.

Девочка вертела на пальце золотое кольцо и рассеянно напевала:

– Спи, дочурка, ведь сегодня ты покинешь этот кров. Не усну я этой ночью. Спи, но помни обо мне...

Голос девочки походил на голос взрослой женщины – глубокий, звучный, он словно укрыл меня, как толстый шерстяной плащ. Я немедленно расслабилась, но, когда я зевнула, она перестала петь.

– Извини, – сказала она с улыбкой. – Мама твердит, что

мне надо быть осторожнее. А колыбельная помогает уложить спать мою сестренку Мириам быстрее, чем моргнет верблюд. Я пою ее, когда боюсь: это помогает сердцу вспомнить родной дом.

– Тебе, наверное, холодно, – произнесла я вежливо, указывая на ее вуаль.

Она рассмеялась.

– Это молитвенный платок. В Благословенной Долине все Люди Крыла покрывают головы. Так мы демонстрируем преданность Сказителю.

Мои учителя не вдавались в подробности касательно четырех самых главных религиозных течений в Аритсаре, я лишь знала их количество.

– Все... Люди Крыла могут так, как ты? Творить магию голосом?

Она хмыкнула.

– Нет. И это не магия. Я просто напоминаю телам о том, в чем они нуждаются. Вот мой Дар.

– Врожденная способность, – догадалась я, вспомнив слова Ву Ина.

– Естественно. У каждого кандидата должен быть Дар. Надеюсь, моего достаточно. И я думаю... – Она бросила на меня обеспокоенный взгляд. – Может, мама была права? И мне не стоило покидать караван?

Раздались чьи-то пронзительные крики, и внезапно по лестнице спустилась стража, сопровождавшая светловолосо-

го мальчика с самой бледной кожей, которую я только видела.

– Это нечестно! *Нечестно* – отпустите меня! – вопил он с сильным нонтским акцентом, гортанно и прерывисто.

Если он путешествовал не с помощью камней переноса, у него ушел почти год, чтобы добраться до Олуона. Холодный серый Нонт располагался дальше всех остальных королевств Аритской империи.

– Я даже не встретил Его Высочество. Я напишу отцу. Я *рожден* для этого! Так нечестно!

Девочка из Благословенной Долины прыснула в ладошку.

– Похоже, кто-то не прошел даже первое испытание. А ведь это обычное собеседование. Самое сложное начинается потом.

Я уставилась на мальчишку из Нонта. Постепенно его крики стихли. Я вцепилась в синий пояс: ткань наградила меня воспоминанием о том, как ее трогали другие детские руки. За последний месяц десятки суоннских ребят носили его, складывали и снимали дрожащими пальцами. В волнении или в страхе? Этого ткань не знала.

– Что с нами сделают?

– Когда? На первом испытании? Ох! – Девочка из Благословенной Долины небрежно махнула рукой. – Ничего *слишком* опасного. Настоящие проблемы начнутся, если мы им понравимся. Тогда мы больше не увидим родителей, пока не вырастем.

– *Что?!* – взывала я.

Несколько детей обернулись к нам, перешептываясь.

Девочка из Благословенной Долины, смутившись, шикнула на меня:

– Естественно, мы не увидим родителей. Члены Совета отказываются от кровных уз и верны только принцу. Разве тебе не сказали? – Увидев мое испуганное лицо, она смягчилась. – Как тебя зовут? Меня – Кира. – Она протянула мне руку, на которую я устояла как дурочка, а Кира снова улыбнулась, и у нее на щеках появились ямочки. – Не стесняйся. Если мы пройдем все испытания, то застрянем в компании друг друга до конца жизни.

– Я Тарисай, – сказала я и после некоторого замешательства пожала ей руку.

Прикосновение к теплой мозолистой ладони казалось таким естественным, что я не хотела ее отпускать. На мгновение я украдала частичку истории Киры: в разуме мелькнули два добрых женских лица. Молитвенные платки были старыми и пахли корицей. *Мама. Бабушка.*

Родные Киры очень ее любили. Они не хотели, чтобы девочка приезжала сюда, однако та выбрала это странное и суетивное место по своей воле.

Почему? Я хотела спросить ее, но мы уже дошли до лестничной площадки.

Мы оказались перед двумя узорчатыми дверями, слева и справа от них стояло по воину.

Я видела очень мало деревянных дверей за свою жизнь. Там, где я родилась, жителям удобнее закрывать проход занавесками, чтобы пропускать в дом побольше воздуха... хотя если ты очень богат или скрытен – или то и другое сразу, – можно и установить двери.

Один из воинов небрежно кивнул Кире, и она сглотнула, глядя, как створка открывается внутрь. На прощание девочка сжала мою руку.

– Не бойся, Тарисай, – прошептала Кира. Взгляд ее стал мечтательным. – Поначалу будет сложно, но, если нас выберут... только представь, чему мы сможем *научиться*. Все книги мира будут нашими. И все порты камней переноса откроются для нас. Мы практически будем править миром.

А потом она ушла.

Даже если бы дверь распахнулась снова только через несколько часов, мне все равно показалось бы, что моя очередь наступила слишком быстро. Наконец стражники кивнули. Мои ноги подкосились, но меня бесцеремонно втокнули внутрь.

Дверь с грохотом захлопнулась за моей спиной.

Я очутилась в комнате, стены которой украшали фиолетовые гобелены. На диванах и креслах с высокими спинками сидели мужчины и женщины. Они о чем-то тихо переговаривались, на их головах блестели одинаковые золотые облучи. Собравшиеся отличались акцентами и телосложением, но почему-то создавалось впечатление, что это – настоящая

семья. Или даже нечто большее.

Если это только можно вообразить.

Когда я вошла, они одновременно повернули головы – выглядело все пугающе. Я вжалась в тень у входа, ожидая, что сейчас они встанут, уподобившись многоглавому чудовищу. Но лишь один из них пошевелился. В центре комнаты в мягком кресле сидел широкоплечий мужчина с глубокими морщинами смеха, прорезавшими уголки глаз. Он был одет в окрашенную воском олуонскую ткань с красными, черными и золотыми узорами. С шеи свисала на шнурке маска слишком маленького размера. Я задумалась о том, для чего она предназначена.

Маска была сделана из черного обсидиана, в форме львиной головы с гривой из двенадцати полосок разного цвета.

Мужчина откинулся на спинку кресла, изучая меня.

– Итак, кто тут у нас?

Он говорил радостным баритоном, надеясь меня подбодрить. Лицо мужчины обрамлял венец, похожий на восходящее солнце, – вертикальный диск из чистого золота. На высоком изголовье кресла были вырезаны три слова: «Кунлео – Оба – Вечный».

В памяти тотчас зазвучали лекции учителей. Передо мной был Олугбаде Кунлео. Тот самый Олугбаде Кунлео, биографию которого я месяцами изучала на утомительных уроках генеалогии. Прямой потомок Энобы Совершенного.

Король Олуона, император Аритсара.

Мой язык превратился в свинец.

– Не бойся, малышка, – выдохнул император. – Ополосни руки. Это традиция.

Я заметила позолоченную лохань, сильно пахнущую травами и украшенную изображением пеликанов, – священным символом Сказителя Ама. Глаза птиц сверкали сапфирами. Я окунула руки в воду – янтарную, как воды зачарованного озера возле усадьбы Бекина. Пальцам стало щекотно, и я вытерла их о тунику, снова отступив в тень.

– Хорошо, – сказал Олугбаде Кунлео. Но когда он прищурился, глядя на меня через всю комнату, его улыбка увяла. – Выйди на свет, дитя.

Что-то знакомое было в его голосе: мелодичный тембр, который заставил меня подчиниться без вопросов. Ноги двинулись вперед. Свет из высокого незастекленного окна упал на мое лицо... и присутствующие ахнули.

– Великий Ам! – выругался какой-то придворный. – Она похожа на *нее* как две капли воды.

Другой придворный хмыкнул:

– Невозможно. Даже Леди не настолько безрассудна, чтобы посылать сюда свое дитя.

– Вы знаете мою маму? – спросила я.

Они подскочили на месте, словно удивленные тем, что я могу говорить. Почему все меня боялись?

– Я Тарисай, – продолжала я неловко, когда молчание затянулось. – Я родилась в Суоне, в усадьбе Бекина. Извините,

но... зачем я здесь?

Еще одна долгая пауза.

– Это ты нам скажи, – ответил император сухо.

– Я не знаю, Ваше Императорское Величество, – призналась я и запнулась. – Мои охранники привели меня в Олуон, а матушка сказала, что придет сюда, когда...

Император Олугбаде покачал головой. Голос его оставался зловеще спокойным.

– Когда... что?

– Когда придет время, – прошептала я. – Больше она ничего не говорила.

Олугбаде сложил на груди руки, неподвижно меня разглядывая.

У меня вспотели ладони. Затем император издал короткий смешок. Морщины в уголках его глаз обозначились еще глубже.

– Подойди ближе, Тарисай из Суоны.

Я подчинилась, с опаской глядя на императора и его свиту, – некоторые из придворных уже схватились за оружие. Император источал запах пальмового масла и апельсинов. Складки одеяния тихо шелестели, а обсидиановая маска свисала с шеи, когда он наклонился к моему уху:

– Вот что я думаю, – изрек он ровным тоном, словно отец, рассказывающий ребенку сказку на ночь. – Полагаю, Леди послала тебя убить меня. Но сначала она пожелала, чтобы ты убила сына императора, наследного принца Экундайю.

– Что? – Я уставилась на него в ужасе. – Ваше Императорское Величество, я не хочу...

– Но тебе стоит попытаться, – перебил он, вытащив нож из-за пояса и вложив его мне в руку. – Давай. Попробуй убить меня.

Я задрожала, но император сомкнул мои пальцы вокруг ножа и заставил поднести лезвие к своему горлу.

– Попробуй, – повторил он с пугающей улыбкой, предупреждающей о последствиях неповиновения.

Кровь отхлынула от моего лица. Крепко зажмурившись, я нажала на лезвие и открыла глаза.

Оно не сдвинулось с места.

Олугбаде заставил меня надавить на рукоять сильнее. И еще раз. Но нож так и не коснулся шеи императора.

Между кожей и лезвием оставалось пространство толщиной в волосок: тонкий невидимый барьер, который не могла разрушить никакая сила.

Олугбаде усмехнулся, отпуская мою руку. Нож со звоном упал на пол.

– Ты знаешь, что это, Тарисай? – спросил он, показав на маску льва.

После моей неудачной атаки одна из полосок на обсидиановой гриве начала тускло светиться.

– Маска, – ответила я неуверенно и заметила на ней вырезанное слово «Оба». – Из-за нее я не могу вам навредить?

– Нет! – Олугбаде рассмеялся. – Маска – всего лишь до-

казательство моего права на трон Аритсара. Доказательство внутреннего могущества. Каждая полоска на гриве льва символизирует смерть, которой я не могу умереть. А убить меня, – добавил он, – во всем Аритсаре – нет, *во всей вселенной!* – могут только люди, находящиеся сейчас в этой комнате.

Император показал на группу из одиннадцати мужчин и женщин, которые сомкнулись вокруг него, явно желая защитить от меня.

– Я не умру, пока это тело не разрушит старость. Такова сила Луча, дитя. Она была у моего отца, а теперь есть и у моего сына. Только Совет Одиннадцати может убить Лучезарного, которого оберегают небеса. И никто не сможет пробиться сквозь барьер. – Он холодно улыбнулся. – Даже твоя умная Леди.

Глава 4

Песенка, услышанная от караванщиков в Суоне, эхом отдавалась в моей голове:

Одиннадцать лун вокруг трона танцевали,
Одиннадцать лун вокруг солнца сияли,
Сияли славой, славой.

– Совет Одиннадцати? – выпалила я. – Почему все вокруг постоянно об этом говорят?

Я могла бы услышать, как падает перышко. Придворные, которые уже вернулись на свои места, смотрели на меня, разинув рты.

– Ты хорошая актриса, Тарисай из Суоны.

– Не думаю, что она играет, – сказал бледный мьюец в клетчатой мантии, поглаживая рыжую бороду. Он оглядел меня глубоко посаженными зелеными глазами с некоторой долей веселья. – Великий Ам. Леди *гениальна*.

Олугбаде все еще усмехался, хотя теперь его смех казался несколько натянутым.

– Не говори ерунды, Таддас.

– Нет, вовсе не ерунда, а действительно гениальна. – Таддас покачал головой. – Подумай только: Леди знала, что каждый ребенок должен быть чист сердцем. И вырастила дитя

в полном невежестве относительно императорского Совета. Если мы не докажем, что она только изображает наивность, то по закону обязаны представить ее принцу Экундайю. Дьявольский план, это точно, однако оригинальный.

– Мальчика она увидит только через мой труп, – прошипела женщина рядом с Олугбаде.

Ее продолговатое лицо с острым подбородком напоминало наконечник копья. Глаза-бусины переводили взгляд с меня на императора. Судя по акценту, она была из Ниямбы, соседнего с Олуоном королевства, где люди умели предсказывать будущее по звездам.

– Олугбаде, ты и близко не подпустишь девочку – нет, это *существо* – к нашему сыну.

– Таков закон, – вмешался Таддас. – Божественный закон, Навуси. Она ополоснула руки. Нам как минимум стоит проверить, есть ли у нее Дар, иначе мы не сможем избавиться от нее, не нарушив правил...

– К демонам правила, – огрызнулась Навуси. – Если Экундайю возмет это отродье в Совет, Луч не сможет его защитить. С тем же успехом мы можем собственноручно отправить принца на смерть.

– Ты уверена, что такова судьба?

Женщина помедлила, поджав губы.

– Звезды мне ничего подобного не предсказывали, – признала она. – Но девочка – отродье *той женщины*.

Таддас вздохнул.

– Если мы откажем ей, то нарушим священные традиции. Совет Дайо будет проклят навечно. Вот что ты предлагаешь?

Навуси яростно вцепилась в подлокотники кресла, глядя на меня пронзительным взглядом.

– Убийство у нее *в крови*, – прошептала она, и я вздрогнула.

– Похоже, – сказал чей-то мелодичный голос, – нам нужно решить, говорит ли девочка правду. Возможно, мне стоит ее проверить?

Говорила женщина, полулежавшая на диване рядом с Таддасом. Она являлась уроженкой Суоны – самый чудесный человек, которого я когда-либо видела. Ее кудри оказались сострижены почти полностью, а на высоких темных скулах блестела золотая пудра. Вдоль носа и на веках у нее были нарисованы белые точки, а с изящной шеи свисал медальон в виде пеликана: такой носили жрецы Ама.

– Я Мбали, – представилась она. – Подойди, Тарисай.

Татуировка на ее подбородке означала, что Мбали – *гриот*. Я читала о них в исторических свитках: гриоты были песенниками-сказителями, знали множество преданий и легенд и считались наиболее почитаемыми из жрецов Ама. Когда я приблизилась, Таддас положил руки на плечи Мбали, будто думал, что я на нее нападу.

Она взяла меня за подбородок, заставляя посмотреть в ее черные глаза, похожие на два зеркала.

Я обмякла, как и всегда при чьих-то прикосновениях.

Вдруг у меня закружилась голова, и перед глазами поплыло. В борьбе за контроль я дотронулась до руки Мбали, пытаюсь украсть ее историю. Но ментальные щиты жрицы были словно сделаны из алмаза. Ее разум *дал отпор...* и победил.

Мое сознание наполнило спокойствие – будто дым накрыл пчелиный улей. Руки безвольно повисли по бокам.

– А теперь, – сказала Мбали, – мы узнаем правду. Тарисай, твоя мать послала тебя сюда для убийства императора?

Я не смогла бы солгать ей, даже если б захотела.

– Нет.

Все с облегчением зашептались.

– Очень хорошо, – продолжила жрица. – Значит, она послала тебя сюда для убийства Экундайо, наследного принца Аритсара?

– Никогда о нем не слышала, – искренне ответила я. – До сегодняшнего дня.

Мбали просияла, погладив меня по щеке.

– Хвала Аму, – выдохнула она. – Даже представить больно, что Леди могла использовать в своих целях ребенка. Если твоя душа чиста, мы постараемся, чтобы она такой и осталась.

Я огляделась. Сила Мбали могла убедить почти любого скептика. Лица мужчин и женщин, только что враждебные, теперь смягчились от любопытства... за исключением Олугбаде и Навуси, которые до сих пор смотрели с недоверием.

– Неважно, насколько она невинна, – заметила Навуси,

вздернув подбородок. – Она не может присоединиться к Совету принца без Дара.

Олугбаде кивнул.

– Леди не божество, она не сумела бы спланировать рождение ребенка, наделенного Даром, – он слегка наклонился и снисходительно улыбнулся. – Видишь ли, есть разница между обычным талантом и Даром. Последнему нельзя научить: это мощная способность, которая сопровождает младенца с первого дня жизни. Мало кто обладает Даром... Тем не менее, чтобы все было по закону, мы разрешаем тебе попробовать. Леди научила тебя декламировать стихотворения наизусть? Это довольно популярно! – Олугбаде усмехнулся. – Или... дай угадаю: ты жонглер. Или укротительница гиен.

– Матушка ничему меня не научила, – возразила я. – Но я могу видеть ваши воспоминания.

В комнате вновь воцарилась тишина. На лица придворных вернулся страх.

– Ты имеешь в виду, – произнес Олугбаде медленно, – что можешь *представить* то, что, по твоему мнению, случилось в прошлом. Истории, которые скармливала тебе мать.

Я отрицательно помотала головой.

– Я же говорю, Леди ничего мне не рассказывала. И мне не нравится возвращаться на целые годы назад, от этого болит голова.

– Почему бы тебе не показать нам что-нибудь? – предложила Мбали.

Я коснулась ее щеки, а она дотронулась до моей. Кожа жрицы была гладкой и прохладной, только татуировка на подбородке пульсировала жаром. Я закрыла глаза. Первое воспоминание, которое я нашла, произошло сегодня утром. Таддас склонялся над Мбали, тепло улыбаясь. Его борода щекотала ей шею. Потом его губы коснулись ее рта и...

Я отшатнулась, распахнув глаза.

– Ну? – Мбали наклонила голову набок.

– Я... ничего не увидела, – пролепетала я. – Но попробую еще раз.

Я снова осторожно дотронулась до жрицы, надеясь, что в следующем воспоминании не увижу эти странные игры, в которые играют взрослые. Мне повезло.

– Накануне вы были на торжественном вечере, – сказала я. – Праздник, где присутствовали только император и Совет. На пиршестве было много еды. Вы рассказывали историю. – Я покосилась на Олугбаде. – И она разозлила Его Императорское Величество.

Жрица застыла, пульс застучал в ее висках.

– Девчонка могла узнать кое-что от слуг, – выпалила Навуси. – Это ничего не доказывает.

– Но никто не слышал историю, – прошептала Мбали. – Никто, кроме членов Совета.

– Тогда пусть повторит ее, – потребовала Навуси.

Я вновь коснулась щеки Мбали, вызывая в ее памяти частное торжество. Жрица рассказывала историю, аккомпанируя

на барабане и держа в руке флягу из козьей шкуры. Она была в барабан то быстрее, то медленнее, и точно так же ее голос становился то громче, то тише.

Мои бедра покачивались в такт музыке, пока я повторяла ее историю.

– У фермерского сына есть манговое дерево, *эгей*. Он держит дерево в горшке возле постели. Такое хрупкое деревце! Он шепчет растению похвалу днем и ночью. Ему нравится, как пахнут ветви, *эш-ш, эш-ш*. У других детей – собаки, козы и курицы. Но не у нашего мальчика: он боится тех, кто может лаять, *ау-у*, или кусать, *цан!*

У дерева нет рта. У дерева нет когтей. Дерево зависит от мальчика, и только от него. От воды, которую он дает, *пшш*. От света, *р-ра*.

«Бедное дерево, – шепчет он и гладит ветви. – Ты слишком слабое, чтобы плодоносить. Ты не приносишь пользу ферме. Тебя не продать на рынке. Для всех ты бесполезно, кроме меня».

Но ветви дерева растут и крепнут, *э-гей!* Вверх, вверх, вверх, за одну ночь!

«Бедное дерево, – охает сын фермера и срывает единственный плод манго. – Удивительно, что ты вообще зацвело».

На следующее утро на дереве уже три манго: *за, за, за!*

«Ты никогда не сможешь приносить столько плодов, чтобы мы могли продавать их», – говорит сын фермера.

Вверх, вверх, ночью наше дерево тянется ввысь. Ветви отбрасывают длинную густую тень. Мальчик смотрит, и его колени дрожат: *ди-дун, ди-дун*.

«Это всего лишь мое маленькое деревце, – говорит он. – Без меня оно бы умерло».

На следующее утро на дереве уже двадцать манго.

Крак! Крак! Сын фермера рубит ветки.

«Это для его же блага, – шепчет он. – Мое дерево не вынесет такой тяжести».

Но дерево продолжает расти: *гун-гун, гун-гун*.

«Я пересажу его в горшок поменьше», – говорит мальчик.

Корни дерева прорастают из крошечного глиняного горшка и зарываются глубоко в землю.

«Я перестану его поливать», – говорит сын фермера.

Но дерево теперь умеет цвести само по себе.

Мальчик рубит ветки – *крак! крак!* – но дерево продолжает расти, *гун-гун, гун-гун*.

Ветви заполняют комнату мальчика! Он дрожит в тени дерева!

Эх, эх, соседи почуяли аромат манго. Они пришли посмотреть на дерево: «*Эгей!* Что за диво! Такими плодами можно прокормить всю деревню!»

Крак! Крак! Мальчик срубает дерево целиком.

Хи-хи! Он сжигает ветви.

«Соседи ошибались! – кричит он, глядя, как рвется к небу пламя. – Дерево никогда не принесло бы пользы, если бы не

я».

Как мирно он теперь спит, *эи-и, эи-и*. Нет больше ветвей. Нет больше тени. Но запах...

Неужели это запах манго?..

Может, нам только кажется, *ха-ха!*

А может, семя выжило в огне. *Ви-и-и*, оно летит, подхваченное ветром, летит туда, где мальчик его не найдет. Семя пускает корни. Дети прячутся в тени дерева.

Имя мальчика теперь забыто.

Эгей, мой сказ закончен!

В самом конце мой голос охрип. Когда я убрала руку с щеки Мбали, жрица дрожала. Я в замешательстве проследила за ее взглядом...

И обнаружила, что император Аритсара смотрит на меня с холодной, леденящей ненавистью. Мбали притянула меня за плечи в попытке защитить. Неясное напряжение пульсировало в комнате: мужчины и женщины обменивались многозначительными взглядами, будто разговаривая без слов. Рты их оставались закрытыми, но в воздухе разносились мысли, и мне казалось, что я слышу шелест листьев над головой.

– Не имеет значения, хочет ли она убить Дайо, – наконец произнесла Навуси вслух. – Если маленькое отродье унаследовало силу той женщины, то девчонка опаснее наемного убийцы.

– У нее нет никакой силы, – настаивал Олутбаде. – Как и у ее матери. Эта женщина – всего лишь самозванка. И слышать

ничего больше не хочу.

– Олу, – проронила Мбали. – Как ни крути, самое безопасное место для Тарисай – в Совете Дайо.

– Ты с ума сошла?! – закричала Навуси.

– Мы уже знаем, что у нее – Дар, – продолжала Мбали. – Если у Тарисай есть и другая сила...

– Невозможно, – отрезал Олугбаде.

– Но если все-таки есть, – настаивала Мбали, – то мы сможем гарантировать, что она никогда не использует свою силу против принца. Детский Дворец – безопасное и изолированное от внешнего мира место. В Совете Дайо мы сможем защитить девочку от влияния Леди лучше, чем где-либо еще.

После долгих колебаний в комнате неохотно раздалась и другие голоса:

– Совет Дайо...

– Мбали права...

– Дар памяти может быть полезен...

– Но под строгим наблюдением...

– Можно попробовать...

Навуси, напряженно застывшая в кресле, наконец сказала:

– Ладно. Мы позволим ей встретиться с принцем. Но только после того, как испробуем *последний* вариант.

Она встала и подошла ко мне. Спина у нее была прямая, как шпиль дворца. Навуси неубедительно попыталась изобразить на лице дружелюбие:

– Ты голодна, дитя?

– Ну... – Я переступила с ноги на ногу. – Немного.

Она достала из кармана блестящий красный плод. Все присутствующие немедленно напряглись.

– Навуси, – прорычал Таддас. – Не стоит спешить.

– Ты знаешь, что я держу в руке, Тарисай? – заворковала Навуси, не слушая Таддаса. – Наверное, нет: в Суоне таких плодов нет. Но в Олуоне мы едим лакомства со всей империи. Это называется яблоко, они растут на деревьях – далеко на севере. Хочешь попробовать?

– Нет! – воскликнула Мбали, резко вставая. – Навуси, как ты можешь?!

– Но ведь ты уверена в ее силе, Мбали, – ответила Навуси. – Если ты права, то ей незачем меня бояться.

– Мы должны следовать закону, Навуси, – возразил Таддас. – И ради Ама, она еще ребенок.

– Олугбаде? – Навуси повернулась к императору, выжидательно изогнув бровь.

Олугбаде откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди и закрыв тем самым обсидиановую маску.

Наконец он сказал:

– Дай ей яблоко.

Лицо Мбали исказилось от ужаса.

– Олу!

Но император проигнорировал жрицу и подмигнул мне:

– Боюсь, мы напугали тебя, малышка. Иногда взрослые спорят о всяких глупостях. Но не нужно бояться: возьми яб-

локо.

Тихий голос в голове велел мне бежать.

Но куда? За дверью стояла стража, а эти люди были столь могущественны, что вызывали во мне трепет. А вдруг они погонятся за мной? Да и кроме того... Императоры Аритсара – хорошие люди. Они *безупречны*.

Я взяла яблоко. Все в комнате задержали дыхание. Я поднесла гладкокожий плод к губам, открыла рот и...

Мбали в два шага преодолела разделявшее нас расстояние, выбила яблоко из моей руки и, встав на колени, прижала меня к груди.

– Ам накажет нас за это, – прошептала она. – Отравить ребенка – слишком грязный трюк. Неважно, насколько силен ее Дар.

Я отпрянула, с ужасом уставившись на яблоко на полу. Что это за место, где взрослые пытаются убить детей? Зачем Леди отправила меня сюда?

Я заплакала. Мбали попыталась меня успокоить, мягко убрав с моего лица упавшую на лоб тугую прядку волос.

– Давай начнем заново, – предложила она. – Я – Верховная Жрица Аритсара. А собравшиеся в комнате – члены Совета Одиннадцати. Мы служим Олугбаде. Честное слово, приятно познакомиться с тобой, Тарисай.

– Я не понимаю, – всхлипнула я.

– Аритсаром правят двенадцать человек. В юном возрасте император помазывает одиннадцать детей, по одному

из каждого королевства, которые будут править подле него до самой смерти. Они всегда талантливые, особенные и верны лишь императору.

– И, – добавил Таддас тихо, – друг другу.

Мбали послала ему предупреждающий взгляд... но кивнула.

– В Совете ребенок обретает не только власть, но и семью.

Сквозь страх прорезалось любопытство. Я вспомнила шутку Киры на лестнице: *«Если мы пройдем все испытания, то застрянем в компании друг друга до конца жизни»*. Сызмальства я мечтала о друзьях, которые остались бы со мной. О том, чтобы люди, которых я люблю, никогда меня не покидали.

Я взглянула на мужчин и женщин, которые собрались вокруг Олугбаде: судя по их оживленным лицам, они снова вели молчаливую беседу. Именно так я всегда представляла себе семью: сидеть рядом, будто львиный прайд, обмениваться шутками и секретами.

– Если я хочу присоединиться к Совету принца, – сказала я медленно, – что мне нужно сделать?

– Самое главное – ты должна любить наследного принца Экундайю и посвятить жизнь служению ему.

Я подняла бровь.

– Любить принца? И все?

– Если вкратце, то да. – Мбали помахала рукой. – Есть и другие испытания, конечно. Но самое важное – твоя связь

с Лучом: силой императоров из рода Кунлео. Луч позволяет им связывать воедино одиннадцать разумов со своим собственным. Если преуспеешь, принц предложит тебе и Луч, и место в Совете. Это решение нельзя будет изменить. Нет ничего важнее твоей любви и *преданности*. Ты понимаешь, Тарисай? – Она встала и протянула мне руку. – Хорошо. Думаю, принц тебе понравится. Он...

– Подождите, – перебила я. – Откуда вы все знаете мою матушку? И она тоже была тут когда-то?

Еще одна пауза.

– Леди раньше жила в Детском Дворце, когда император Олугбаде был еще мальчиком. Тарисай, будет лучше, если ты не станешь упоминать мать, находясь во дворце. Мало кто здесь достаточно стар, чтобы ее помнить, но те, кто помнит, могут отнестись к тебе... не очень хорошо из-за связи с ней. Если кто спросит, твои родители – процветающие фермеры из области Овату в Суоне. Ладно, Тарисай?

Я с неохотой кивнула. Затем огляделась с новым интересом, пытаясь вообразить Леди ребенком.

– Матушка тоже была кандидаткой? Она провалила испытание?

– Все испытания сразу, – заявил Олугбаде. – Но она не стремилась стать членом Совета.

– А-а-а... Но почему...

– Не стоит возвращаться в прошлое, – быстро произнесла Мбали. – Ты сама пишешь свою историю – не те, кто был до

тебя. Пойдем.

Мы пересекли комнату и направились к высоким позолоченным дверям. Держась за руки, мы вошли в соседнее помещение, от одного взгляда на которое у меня закружилась голова.

– Добро пожаловать в Детский Дворец, – сказала Мбали. – Самое счастливое место в Ан-Илайобе.

Солнечный свет озарял сине-золотой зал. Лучи скользили по горам игрушек и деревянных ездовых животных со всего Аритсара. Мимо меня пробежали дети: некоторые лихо скакали на игрушечных зебрах и тиграх, крича и смеясь. Слуги в парчовых одеяниях суетились вокруг, держа в руках подносы с фруктами и кувшины с водой.

Мбали поймала девочку, которую я встретила на лестнице. Я улыбнулась Кире, радуясь, что она тоже преодолела таинственное испытание. Она просияла в ответ и присела перед Мбали в реверансе:

– Ваше Святейшество! Пришло время для новой проверки?

– Еще нет, дорогая, – ответила Мбали. – А ты сможешь нам найти Экундайо? Не вижу его в толпе.

Щеки Киры вспыхнули.

– Никто его не видел, Ваше Святейшество. Он прячется с тех пор, как я сюда попала.

Она показала на группу детей, которые открывали шкафы и заглядывали под каждый стол. Пока они переворачивали

комнату вверх дном, выкрикивая имя принца... я вдруг поняла, что мне знакома эта картина.

Учителя часто искали меня в усадьбе Бекина. Я пряталась часами, закрыв уши ладонями, пока в коридорах звучало мое имя. Наставники боялись Леди, а потому их жизни вращались вокруг меня: вокруг каждого моего успеха и поражения.

Я сразу посочувствовала принцу, которого никогда не встречала.

– Его здесь нет, – сказала я.

Мбали посмотрела на меня с удивлением.

– Откуда ты знаешь?

Я пожалала плечами, оглядывая зал.

– Слишком много людей. В шкафу принца было бы легко найти.

Уголок рта Мбали чуть дернулся в улыбке.

– Тогда нам стоит поискать принца где-нибудь еще.

Мы оставили Киру и прошлись по ярко раскрашенным коридорам Детского Дворца. Он представлял собой уменьшенную версию центрального крыла Ан-Илайобы. В одной комнате пол был сделан в виде гигантской шахматной доски из мраморных плиток, и дети стояли на месте фигур, хихикая. В другой имелись столы, ломившиеся от апельсинов, жареных бананов, липких фиговых кексов и других угощений, которые я не могла распознать. В этом крыле был даже тронный зал с зеркальным потолком и двенадцатью детски-

ми тронами.

Наконец я задержалась в просторной комнате с помостом в центре. Сверху на меня смотрели давно умершие члены Совета, изображенные в виде детей с цветочными венками на головах, блаженно улыбающиеся и танцующие в хороводе.

– Это Зал Снов, – объяснила Мбали. – Днем здесь будет проводиться большая часть твоих тренировок, а ночью ты будешь тут спать.

Скрученные циновки лежали аккуратными стопками вдоль стен. С потолка свисали связанные москитные сетки, через которые поблескивали нарисованные на потолке синие-серебряные созвездия. Если сетки опустить, то эти созвездия, наверное, выглядят как настоящее ночное небо, взирающее на отдыхающих детей.

– Ночью ставится ширма, отделяющая мальчиков от девочек. Принц почивает посередине, – она показала на помост. – Когда-нибудь Совет будет спать там же.

В узких арках-альковах вдоль одной из стен виднелись высокие окна, скрытые белыми узорчатыми занавесками, через которые в комнату проникал солнечный свет. Ткань слегка колыхалась на ветру.

– Он возле окна, – пробормотала я.

Мбали подняла бровь.

– Откуда ты знаешь?

– Я бы спряталась именно там. Это хорошее укрытие, ка-

жется, что все на виду, и никто не будет смотреть как следует.

Одна из занавесок была смята больше, чем другие. Я подошла к ней, заметив коричневые ступни, обутые в золотые сандалии.

– Не бойся, – прошептала я мягко. – Я не скажу другим.

Я отодвинула занавеску. Передо мной стоял олуонский мальчик, улыбавшийся знакомой, полной любопытства улыбкой.

Красная пелена вспыхнула у меня перед глазами. Жар охватил все тело, кровь застучала в ушах. В голове повторялось одно и то же слово, снова и снова:

«Убить».

Глава 5

Я хотела свернуть ему шею, зажать ладонью рот и широкий мягкий нос. Я хотела, чтобы свет померк навеки в наивных и любопытных глазах.

Другая же часть меня, которой не хватало воздуха, испытывала лишь ужас. На самом деле я не хотела его убивать. Я вовсе не ненавидела этого мальчика, я его никогда прежде даже не встречала. Что со мной происходит?

Моя эру-половина, рожденная из огня и желаний, успокоилась, когда в голове зазвучал голос Леди:

«...когда он помажет тебя как свою...»

Мои плечи расслабились. Время не пришло. Что-то еще должно случиться, прежде чем я должна буду причинить мальчику боль. Может, мне удастся сбежать, пока не поздно.

– Дайо, – сказала Мбали, – это Тарисай из Суоны, твоя новая кандидатка. Тарисай, это Его Императорское Высочество Экундайо Кунлео из Олуона, наследный принц Аритсара. – Она посмотрела на нас и добавила ласково и без упрека: – За вами будут наблюдать.

Мбали повернулась, чтобы уйти. Я схватила ее за руку, боясь остаться с ним наедине – и страшась того, что я могу сделать.

Мбали усмехнулась, неправильно истолковав мою панику.

– Он не кусается, дорогая. Иногда я сомневаюсь, есть ли у

нашего Дайо вообще зубы. – Она нежно потрепала мальчика по кудрявым волосам. – Веселитесь.

Затем Мбали сняла с шеи ключ, скрытый медальоном, отперла незаметную дверцу в стене и бесшумно выскользнула из комнаты. Однако взгляд Мбали странным образом продолжал преследовать меня и после ее исчезновения.

Мы с Экундайо посмотрели друг на друга. Я была выше принца, хотя он тонул в сине-золотых богатых одеяниях. Мальчик неловко переступил с ноги на ногу.

– Разве ты не собираешься попытаться меня потрогать? – протянул он.

Я моргнула.

– Зачем?

– Все остальные так делают. Пытаются обнять меня или поцеловать пальцы и сандалии. Они говорят... – Он вздрогнул. – Ну... что любят меня.

– А я тебя не люблю.

Он изумленно наклонил голову набок:

– Даже немножечко?

– Конечно, нет! – выпалила я, но принц выглядел так, будто ему разбили сердце, поэтому я решила его утешить: – Просто... мы же только что познакомились.

– Но *все* меня любят. Хотя, наверное, они могут и врать. Отец считает, что я слишком сильно доверяю людям. – Экундайо нахмурился – и снова просиял, почти до смешного быстро. – А может, *ты* врешь, Тарисай из Суоны? Возмож-

но, ты меня все-таки любишь.

Я невольно улыбнулась. Я ничего не могла с собой поделаться: широкая щербатая улыбка мальчика оказалась заражительна, как и на портрете.

– Я ничего не скрываю, – произнесла я, но осознание настигло меня, как удар в живот, и я отступила от принца. – Думаю, мне лучше уйти, Ваше Императорское Высочество...

– Друзья зовут меня Дайо, – сказал он с надеждой. – Или будут так меня называть. Когда они появятся.

Попятившись, я споткнулась о край ковра. Дайо схватил меня за локоть, чтобы я не упала. Я отшатнулась.

– Я снова сделал что-то не так? – спросил он.

– Нет. Но обычно люди меня не трогают. Они этого избегают.

– Почему?

Может, если я напугаю принца, он будет держаться от меня подальше?

– Я наполовину демон, – прошипела я, шевеля бровями для большего эффекта. – Шпион. Я вижу все – *абсолютно все*, что ты когда-либо делал.

Дайо широко распахнул глаза.

– Как здорово!

Не такую реакцию я ожидала. Он должен испугаться. Никому не нравилось, когда на свет вытаскивали их потаенные мысли. Если только... Возможно, у мальчика просто не имелось никаких темных секретов.

Почему, во имя Ама, Леди хотела, чтобы я ему навредила?
– Сделай это, – попросил он, взяв мои руки и положив их себе на лицо. – Пожалуйста, Тарисай. Покажи шпионский трюк.

Я помедлила, смутившись. Никого и никогда мой Дар не приводил *в восторг*. Я провела большим пальцем по скуле принца. Затем вспомнила, что мои руки хотели сделать всего пару минут назад.

Во рту пересохло.

«Нет, – возразила я мысленно. – Это была не я. Ведь я не хотела никому вредить. Я не хотела. *И не стала бы*».

Я расслабилась и позволила воспоминаниям Дайо наполнить разум. Сотни детей бросились ко мне: я тонула в подарках, поцелуях и тошнотворно-сладких голосах, полных желания.

«Я люблю тебя, Экундайо!»

«Я умру за тебя, Экундайо!»

«Выбери меня, Экундайо!»

«Выберименявыберименявыберименя!»

Большинство детей его пугали. Лишь иногда он чувствовал себя в безопасности в компании какого-нибудь ребенка, но кандидаты почти всегда проваливали некое странное испытание, сути которого я не понимала. Затем Мбали уводила проигравшего прочь, и Дайо возвращался в свое убежище за занавеской. Никто не слышал, как он тихо плачет.

Мои чувства начали смешиваться с чувствами Дайо, и у

меня закружилась голова. Я вынырнула из чужого разума. Подобно принцу, я тоже была вынуждена наблюдать, как люди, которые мне нравятся, уходят прочь. Я задумалась. Почему никто не мог остаться? Почему я всегда была окружена учителями и слугами, но чувствовала себя одинокой?

Я попыталась убрать руки от лица Дайо, но принц удержал их, печально глядя мне в глаза.

– Ты будешь еще одной, да? – прошептал он. – Еще одним человеком, который мне нравится... И которого они заберут.

– Может, и нет, – возразила я. Наши сознания уже разделились, но в воздухе повисла странная энергия, которая притягивала меня к Дайо. – Возможно, я никуда не денусь.

Он отпустил меня.

– Есть способ убедиться. Испытаний много, но главное – только одно, – он улыбнулся, демонстрируя ямочки на щеках. – Если справишься, то тебе *придется* остаться.

Я нахмурилась.

– А вот и нет.

– А вот и да.

– А вот и нет!

– Ладно, – признал он. – Твоя взяла. Но ты захочешь, я знаю. Когда нас будет двенадцать, нас отправят в Крепость Йоруа – в замок, который находится далеко-далеко на берегу океана. Мы будем там жить и учиться править Аритсаром. И еще искать приключения. Мы станем видеться каждый день. До конца жизни.

– Но разве родители не будут скучать? – Я нахмурилась, глядя себе под ноги. – Почему они всегда отсылают детей прочь?

– Не все! – Дайо рассмеялся. – *Нормальные* родители так не делают. Но мой отец – император. Он готовит меня к правлению страной.

А для какого будущего, задумалась я, готовила меня Ле-ди?

– А твоя мама не будет скучать? – спросила я.

– Ох... – Похоже, эта тема заставила принца нервничать. – У меня ее нет. То есть я знаю, *кто* она, – добавил Дайо, а я заметила, что его подбородок очень напоминает подбородок Навуси. – Но мне нельзя выказывать расположение к отцовским советникам. Я зову их всех «дядюшка» и «тетушка», даже мать. Так лучше для дипломатии. Здесь много правил, – продолжал он, – но не волнуйся. Если ты пройдешь проверку, мы сможем придумать наши собственные правила. Когда переедем в Йоруа.

Я скрестила руки на груди, однако заволновалась. Замок, полный друзей, которые никогда меня не оставят? Возможность повидать мир? Увидеть *океан*?

– Ну и?.. – спросила я. – Что за проверка?

Ответом мне послужила резкая вспышка боли. Я рухнула на пол.

Перед глазами закружились пятна света, я едва слышала встревоженный голос Дайо, когда принц опустился на коле-

ни и начал трясти меня за плечи.

– Тарисай? Прости! Мне не стоило так поступать! Не стоило...

– Что случилось? – простонала я, отталкивая Дайо.

– Я пытался объединить наши разумы, – объяснил он. – Императоры делают это с советниками. Но срабатывает только в том случае, если человек любит меня.

– Ну, *теперь-то* я точно тебя не люблю, – проворчала я, потирая пульсирующие болью виски.

Скрытая в стене дверца распахнулась настежь, и в Зал Снов ворвалась Мбали, неодобрительно прищелкивая языком.

Дайо подбежал к ней, взволнованно затараторив:

– Она не виновата, тетушка Мбали! Клянусь, она не виновата, не забирай ее!

– Дайо, – сказала Мбали, высвобождаясь из его хватки и помогая мне встать. – Ты провел испытание. Тарисай его провалила. Я предупреждала, чтобы ты не пробовал Луч сразу. Ты поторопился.

Дайо всхлипнул.

– Я только хотел, чтобы она осталась!

– Ты знаешь правила. У кандидатов есть лишь один шанс преуспеть.

– Но...

– Попрощайтесь, дети, – велела жрица, твердо взяла меня за руку и увлекла за собой.

Раньше я хотела уйти от Дайо. Чтобы мы оба были в безопасности. Но теперь сердце разрывалось на части: я никогда не имела друзей. Дайо мне *нравился*. Я не могла позволить ему исчезнуть, как исчезли из моей жизни Леди, Мелу, Ву Ин и Кэтлин.

Почему все меня бросали?

Воспоминание о кричащем нонтском мальчике, которого стража выволокла силой, всплыло перед внутренним взором. Я понимала, что не могу пытаться высвободиться физически. Сердце бешено билось, а разум начал лихорадочно искать любые решения, словно кусочки головоломки. Невидимые учителя дышали в затылок, и я вспомнила слова Ву Ина: *«Тебя к этому готовили»*.

Я собралась с духом и громко заявила Мбали:

– Я подчиняюсь только приказам принца. Не вашим.

Она строго посмотрела мне в глаза.

– Повтори-ка, дитя.

Я тяжело сглотнула.

– Я не подчиняюсь вашим приказам. Вы говорила, что нет ничего важнее преданности. Поэтому я никуда не пойду... – Я показала на Дайо пальцем и продолжала: – Если только *он* не захочет.

Мбали медленно и лукаво улыбнулась.

– Поздравляю, Дайо. Твоя подруга прошла проверку, которую провалили остальные кандидаты.

Дайо уставился на нее.

– А это была проверка?

Мбали кивнула, а на лице Дайо отразилось замешательство.

– Значит, все кандидаты, которых ты уводила раньше... На самом деле им необязательно было уходить?

– Никто не понимал указания так же хорошо, как Тарисай.

Указания. Я вздрогнула. Интересно, сколько еще скрытых проверок я пропустила? Я снова сглотнула.

– И?.. – спросила я Дайо. – Ты хочешь, чтобы я ушла?

Он замотал головой.

– Ни за что! Она правда может остаться, тетушка Мбали?

Когда жрица кивнула, Дайо с радостным криком сжал меня в объятиях.

– А теперь ты любишь меня, Тарисай из Суоны?

– Конечно, нет! Прекрати! – хмыкнула я, отстраняясь.

Но мы оба едва сдерживали смех, опьяненные новообретенной властью. Если даже советники императора не могут нам приказывать, то кто вообще на такое способен?

– Разум Тарисай должен принять твой Луч, – напомнила Мбали принцу. – Так что пока ты не можешь предложить ей место в Совете. Но дай девочке время. Если она пройдет и другие проверки, ты поможешь ее.

Поможешь ее. Фраза жрицы напомнила мне об опасности, нависающей над Дайо. Мое счастье слегка увяло.

Дайо радостно запрыгал на месте, когда Мбали удалилась.

– Это будет просто, Тарисай. Тебе надо будет решать го-

ловоломки, овладеть боевыми искусствами, изучать науки, политику и религию, и, когда ты наконец меня полюбишь...

Он достал из-за ворота туники цепочку с золотым флаконом.

– Это масло из крыла пеликана, – сказал он с благоговением. – Если ты примешь мое предложение, я помажу тебя. Тогда ты станешь одной из Одиннадцати. Навсегда.

Кровь в моих жилах превратилась в пламя.

Комната поплыла перед глазами, и я услышала голос Леди, обжигающий, будто кипящее масло:

«...когда он помажет тебя как свою...»

– Нет, – прохрипела я. – Нет!

Дайо непонимающе нахмурился.

– Тарисай? Что случилось? Я не хотел...

Его слова утонули в поглотивших меня тенях. Как бы я ни закрывала уши, все равно продолжала слышать голос Леди:

«Когда ты встретишь этого мальчика... когда он помажет тебя как свою... Я приказываю тебе убить... убить... убить...»

– Нет! – я попыталась отмахнуться от призраков, которые преследовали меня. – Нет. Ты меня не заставишь.

– Если ты не хочешь, – сказал Дайо печально, – то я ничего не смогу сделать.

– Я не о тебе, – возразила я. – Я о...

Меня прошиб холодный пот. Воздух наполнился запахом жасмина, от которого я начала задыхаться.

Я прошептала едва слышно:

– *Ты не заставишь меня, мама...*

И комната померкла.

В мире снов, окрашенном в цвета родной саванны, надо мной парил Мелу. Его плоть была прикована к янтарному озеру, но дух свободно пересек долины и реки, чтобы просочиться в спальню дворца Ан-Илайобы.

Умоляющий голос Мелу эхом отражался от стен:

«Как жаль, что ты должна причинить мальчику боль. Но эру не может воспротивиться желаниям хозяина. Сдайся. Сдайся, дочь моя, и мы оба будем свободны».

– У меня нет хозяина! – прорычала я.

Призрак тяжело вздохнул.

«Увы, но это не так».

Глава 6

Я резко села, ожидая, что меня ослепят кобальтово-синие крылья Мелу. Но эру рядом не было.

Вместо него на меня смотрела пара огромных ореховых глаз. Красный платок Киры покрывал шею и голову девочки, обрамляя загорелое круглое лицо. Именно ее успокаивающая песня пробудила меня от кошмара.

– Ох! Ну наконец-то! – Кира рассмеялась. – Ты проснулась. И ты так ворочалась – мама сказала бы, что ты одержима демоном. Я чуть не начала петь заклинание против злых духов, а я в этом не очень-то сильна.

При слове «демон» я вздрогнула и прижала колени к груди. Я находилась в Зале Снов: похоже, на город опустилась ночь. Кроме нас с Кирой, здесь больше никого не было. Пламя свечей отбрасывало оранжевые узоры на выложенные плиткой стены. Я лежала на помосте, на котором должен был спать Дайо, укрытая одеялами из шкур. Кира сидела на краю, свесив ноги.

– Ты проспала несколько часов. Принц настоял, чтобы тебя уложили в его постель. Теперь ты знаменитость, знаешь? Любимица Принца! – Кира помедлила. – Не самое безопасное прозвище.

– Хочу пить...

В горле пересохло. Кира вручила мне кувшин, стоящий на

полу. Я понюхала жидкость – это был сок манго, прохладный и с мягкостью.

Я сделала глоток, радуясь, что сок не яблочный. В губы врезались скользкие белые камешки.

– Это лед, – сообщила Кира. – Странно, да? Я слышала, он не дает мясу испортиться. Олуон импортирует целые блоки льда из Нонта и Бираслова – дальних северных королевств.

Я жадно пила, наслаждаясь ощущением холода в горле.

– Где все?

– Решают головоломку. Посреди ночи! Видимо, так уж здесь заведено. Мы отдыхали, потом услышали барабаны и увидели экзаменаторов, которые сделали объявление. Они инсценировали похищение принца Экундайо: тот, кто его найдет, получит шанс пройти испытание Лучом. Но ты не проснулась, и я осталась на всякий случай, хотела убедиться, что ты в порядке.

– Спасибо, – сказала я. – Но ты же пропускаешь испытание.

Кира пожала плечами.

– Будут и другие проверки. Нельзя оставлять больных в одиночестве. Мама говорит: «Караван не должен идти быстрее, чем самый медленный верблюд в веренице». Да и кроме того, – добавила она с застенчивой улыбкой, – я немного нервничаю при мысли о Луче.

– И правильно, – согласилась я и хмыкнула: – Я бы не хотела испытать *это* снова.

Взгляд Киры стал пронзительнее.

– Значит, слуги не лгут? Принц и правда попытался использовать Луч, когда встретился с тобой впервые?

Я сморщила нос:

– У меня тогда только голова разболелась.

– Когда ты полюбишь принца, ощущения будут приятными, – сказала Кира пылко. – После помазания ты не сможешь жить без Луча. Даже целительское пение не вылечит лучевую тоску. – Она взглянула на мое удивленное лицо и усмехнулась. – Я и забыла, что ты ничего не знаешь. Когда тебя помазывают, Луч привязывает твоё тело к членам Совета. Поэтому если вас разделят или ты бросишь Совет, то заболеешь. Будешь потеть, лихорадить. В результате даже можно сойти с ума, – зашептала Кира. – Вот почему в Совете никогда не совершали государственной измены. Одиннадцать всегда вместе, они касаются друг друга и целуются. Если же не общаются между собой слишком долго, то им нездоровится.

Я зябко поежилась, вспомнив свои блуждания по усадьбе Бекина. Я скучала по Леди потому, что я её дочь... или потому, что я её эру?

Может, вся любовь в мире немного похожа на лучевую тоску?

– Испытание Лучом – большая честь, – продолжала Кира. – Если тебе удастся объединить разум с разумом принца, тебя точно возьмут в Совет Одиннадцати. Ну... если только

ты – не *он*.

Она показала на тень в другом конце комнаты, и я внезапно поняла: на самом деле мы были в Зале Снов не одни.

Кто-то высокий и широкоплечий сидел, прислонившись спиной к колонне. Человек был так неподвижен, что до этого момента я принимала его за мебель. Он не смотрел в нашу сторону и сутулился, словно в тщетной попытке казаться меньше.

– Что тут делает взрослый мужчина? – тихо спросила я.

– Он не взрослый, а просто *большой!* – Кира фыркнула. – Я слышала, ему всего тринадцать, он на год старше меня. Некоторые мальчики рано отрачивают себе взрослые ноги. У меня так было с братьями: их голоса стали низкими и смешными... – Она украдкой взглянула на сгорбившегося у колонны мальчика. – Я бы ему сочувствовала, если бы он не пугал меня так сильно.

– Почему? Он злой?

– Мама говорит, что сплетничать – грех, – сказала Кира строго. – Но... он вроде бы убивал людей. Участвовал в подпольных боях. Его прозвали Королевским Медведем, потому что он всегда защищает Экундайю. А еще он во дворце дольше любого из нас. Когда принц опробовал на нем Луч, тот сразу же сработал.

К моему изумлению, я испытала укол ревности.

– Значит, Медведь помазан? Он первый из Одиннадцати?

– Нет. Он не хочет вступать в Совет. *Отказался* стать По-

мазанником, представляешь? Но Совет императора не позволил ему уйти. Они уверены, что он передумает.

Я нахмурилась. Кто в здравом уме откажется от семьи, которая будет с тобой до самой смерти? Я не могла вообразить ничего более желанного.

– Интересно, почему?..

Кира тряхнула головой.

– Наверное, считает, что слишком хорош для нас. Все дети из богатых королевств такие, знаешь ли. То есть... не *все*, – прибавила она неловко. – Ты, возможно, другая.

– Я не особо богата.

Она хмыкнула.

– Ты из Суоны. Мама говорит, в тех краях больше кукурузы, чем травинок в поле. Или, во всяком случае, так было раньше. Люди считают, что саванну Суоны охранял могущественный алагбато, поэтому в королевстве всегда собирали щедрый урожай. Но дух исчез десять или одиннадцать лет назад. Никто не знает, почему.

По коже пробежали ледяные мурашки. Мелу не мог покинуть озеро и заботиться о Суоне, пока я не исполню желание Леди. Я виновато закусил губу, но Кира, похоже, ничего не заметила.

– Тебе повезло, что ты родилась в Суоне, а не в бесплодной пустыне. Спорим, ты не голодала ни дня в своей жизни?

– Это правда, – признала я. – А откуда Медведь?

– Дирма, – прошептала Кира. – В том королевстве ездят

по улицам на слонах, а дороги вымощены монетами. – Она спрыгнула с кровати-помоста и по-матерински начала хлопотать надо мной. – Если тебе лучше, то я, наверное, присоединюсь к остальным.

– Может, мне тоже пойти?

– Нет, целитель сказал, что тебе нужно отдохнуть. Кроме того, ты ведь уже Любимица Принца. Дай шанс и другим! – Кира подмигнула мне, а потом кивнула в сторону дирмийского мальчика. – Не бойся Медведя. Мы его приковали.

Я с тревогой взгляделась в полутьму. Что-то серебряное блесело в пламени свечей – металлическая цепь, обернутая вокруг колонны и заканчивающаяся железным обручем на крепкой руке мальчика.

– Все начиналось как шутка, – проронила Кира смущенно. – Другие дети это предложили. Он же Королевский Медведь, а диких зверей...

Я нахмурилась.

– Не похоже, что ему смешно.

– Он мог бы остановить нас, если б хотел. А еще мама говорит, что дирмийцы – как бешеные собаки. Я не подойду к нему близко.

Кира наполнила кубок манговым соком из кувшина (*«Мама говорит, что больные дети должны много пить»*), хлопала меня по руке и поспешила прочь.

Я наблюдала за мальчиком, обеспокоенная его неподвижностью. Он не пошевелился, даже когда за Кирой захлопну-

лись двери. Но я лежала тихо, боясь его напугать.

Затем я почувствовала давление в мочевом пузыре и по-морщилась: я много часов не справляла нужду. Если подумать, еще неплохо было бы поесть. Я выбралась из-под шкур и встала. Давление усилилось. После бесплодных попыток найти горшок, я прочистила горло.

– И-извини, – сказала я с запинкой. – Ты ведь ходишь в... то есть... Ты знаешь, где хранят ночные горшки?

Мое лицо горело. Мальчик, похоже, напрягся, будто не ожидал, что я к нему обращаюсь.

– Неважно, – пробормотала я. – Я просто...

– Горшки в углу.

Я замерла. Мальчик не пошевелился, но его мягкий и невероятно глубокий голос наполнил собой всю комнату.

– Поставь горшок на место, когда закончишь. Утром слуги унесут.

– Ох. Спасибо.

Я действительно нашла в углу ярко раскрашенные глиняные горшки. Но я медлила.

– А ширма для приватности хранится где-то снаружи?

Мальчик коротко рассмеялся:

– Приватность запрещена, новенькая. Советникам нельзя иметь друг от друга секреты. Многие кандидаты облегчаются утром или поздно ночью, когда ширма для разделения мальчиков и девочек еще не убрана.

Дирмийский акцент мальчика звучал почти музыкально.

Взрывные согласные отскакивали от языка, как камешки по поверхности пруда.

Он добавил:

– Не бойся. Я отвернусь.

Я сделала свое дело как можно быстрее и поставила горшок на широкий подоконник возле алькова. У меня заурчало в животе.

Я вспомнила зал со столами, которые ломились от самых разных блюд, и спросила:

– Где я могу найти еду?

– Не знаю, – ответил мальчик. – Я пропустил ужин несколько часов назад.

– Слуги в моем родном доме однажды связали меня, как и тебя, – выпалила я сконфуженно. – Они боялись, что я украду их воспоминания, пока они спят. Я всегда возвращаю чужие истории на то место, где взяла. Но мне не доверяли.

Впервые за все время разговора дирмиец повернулся в мою сторону.

Из-за его массивности я ожидала, что он будет выглядеть старше, но в пламени свечей на меня смотрело очень юное лицо с тяжелой челюстью, красно-коричневой кожей и резким изгибом бровей. Уши торчали, словно мальчику еще предстояло до них дорасти, хотя трудно было представить, что он может стать *еще больше*.

– Красть воспоминания, – сказал он, – это твой Дар?

Я кивнула.

– Вот так.

Чувствуя странную потребность впечатлить его, я положила руку на помост, где обычно спал Дайо. Мрамор беззвучно стонал, пока я вторгалась в чужие воспоминания. Камень помнил мальчика, который спал здесь десятилетия назад. Снова и снова он шептал в одеяло: «*Леди... Леди... Леди...*»

Я отдернула руку, словно обжегшись.

Дирмиец поднял бровь:

– Что-то не так?

– Император Олугбаде спал тут до Дайо, – объяснила я. – Когда император был маленьким, ему снились дурные сны. Наверное, и принца тоже мучают кошмары.

– Ты увидела все это, просто дотронувшись?..

– Люди повсюду оставляют после себя истории. Легче забирать их у чего-то живого. У деревьев, у земли. У предметов и мертвых вещей память не очень четкая.

Мальчик провел ладонью по мягким кудрям.

– А ты умеешь забирать воспоминания навсегда? – Цепь на его руке зазвенела. – Ты можешь заставить чьи-то истории исчезнуть?

– Нет! – отрезала я. – То есть... не знаю. Я никогда не пробовала. – К моему удивлению, мальчик выглядел разочарованным. – Меня зовут Тарисай. Я из Суоны. А ты?

– Санджит, Дирма. – Он напрягся, когда я подошла ближе, и спрятал скованную руку за спину. – Разве ты меня не

боишься?

– А стоит?

– Ты слышала Благословенную, – сказал он сухо. – Я Королевский Медведь.

Я опустила голову, чувствуя себя виноватой из-за того, что он стал свидетелем нашего с Кирой разговора.

– Кира говорит, ты прошел проверку Лучом. Значит, ты любишь Дайо и не можешь быть так уж плох.

– Медведи опасны, даже если не хотят. – Он мрачно смотрел на свою мозолистую ладонь. – Это у них в крови.

Я вспомнила слова Навуси: *«Убийство у нее в крови»*.

– Люди не обязаны вредить другим, если не хотят, – парировала я резко. – Никто не обязан. Они не могут нас заставить.

– Конечно, могут, – возразил он спокойно. – Если нас поймают, мы будем служить принцу Экундайо. Такова присяга советников: *«Мы сияем, как луна, отражая лучи утренней звезды»*.

Я нахмурилась.

– Неужели кто-то хочет быть луной? Она белая и холодная. Я бы предпочла стать солнцем.

Впервые за все время разговора Санджит улыбнулся. Я заметила, что глаза у него – цвета крепкого миндального чая. Во взгляде мальчика вспыхнуло любопытство.

– Ты наверняка уже долго живешь во дворце. Сумеешь найти нам еду? И разве ты не способен просто порвать цепь?

– Если бы я мог, – пробормотал он с горечью, – то меня бы здесь уже не было, солнечная девочка. Я *не настолько* сильный. – Санджит махнул пятерней в сторону. – Кандидаты бросили ключ где-то там.

Я быстро сосредоточилась, упала на колени и прижала ухо к полу. В камне эхом отдавались воспоминания. Детские ноги. Звон ключа, скачущего по плиткам и закатившегося под циновку. Я шарила в темноте, пока пальцы не сомкнулись вокруг чего-то металлического.

– Нашла.

Я встала и взяла Санджита за руку. Сначала он застыл, будто его напугало прикосновение, затем расслабился, внимательно за мной наблюдая. Я открыла железный наруч.

– Пойдем! – Внезапно смутившись, я направилась к двери. – Я видела комнату со столами. Может, там осталась еда.

Мальчик последовал за мной. Я оглянулась. Он сгорбил плечи, словно испытывал неловкость от того, что занимал в любом помещении слишком много места. Похоже, он ощущал себя чужаком, незаконно вторгшимся во дворец.

– Если ты не настолько сильный, – спросила я, – то какой у тебя Дар?

Санджит посмотрел на меня из-под длинных густых ресниц.

– Вот сейчас, наверное, мне стоило бы солгать.

– Почему?

– Друзья не должны бояться друг друга, – ответил он пря-

мо. – А я хочу с тобой подружиться.

Я скептически на него посмотрела.

– Мне кажется, лжец из тебя не очень-то хороший.

– Ага. – Санджит улыбнулся. – И ты все равно узнаешь о моем Даре. В Детском Дворце нет секретов.

Он вздохнул.

Внимательно оглядел меня с головы до пят и заговорил монотонным голосом:

– Ты подвернула лодыжку несколько месяцев назад. Заживало долго, и теперь ты легко спотыкаешься. Между шей и левым плечом у тебя нечто вроде узелка – и там твои рефлексy чуть замедлены. Когда ты моргаешь, правый глаз закрывается быстрее. Появляется слепое пятно... – Санджит замолчал, переступив с ноги на ногу. – Я вижу физические изъяны. Кости, мышцы, разрывы тканей. Чужие тела рассказывают мне все свои тайны. Поэтому отец заставлял меня участвовать в поединках насмерть. Я не проиграл ни одного боя. – Его лицо ожесточилось и тут же смягчилось снова. – Ама... то есть мать заставила меня приехать сюда. Она подумала, что если я присоединюсь к Совету, то смогу помогать людям. Стану доктором или жрецом. Мне бы тоже этого хотелось.

– Но почему ты отказался, когда Дайо предложил тебя помазать?

Санджит сглотнул.

– Если я соглашусь, никогда больше не увижу маму. – На

лице его проступило отчаяние. – Ама навечно застрянет в компании отца.

На пороге спальни я оглянулась на ряд циновок у стены. Наверное, Мбали однажды тоже спала здесь, как и Олугбаде. И Таддас, и Навуси. Сколько правителей, будучи детьми, видели сны в этой комнате?

– Друзья навсегда, – прошептала я, вспомнив обещание Дайо. Я вновь взглянула на Санджита. – Ты правда думаешь, что так и будет? Если нас помажут, то мы все... полюбим друг друга?

– Разумеется, солнечная девочка. – Санджит посмотрел в окно. За занавесками в небе сияла луна. – У нас попросту не будет выбора.

Глава 7

В усадьбе Бекина жизнь протекала размеренно, лишенная каких-либо особенных событий.

Никакой ритм не заставлял часы пролетать быстрее, кроме стука дождя по крыше. Вопросы утекали в землю, как вода. *«Коснутся ли меня? Буду ли я сегодня любима? Придет ли матушка? Почему... почему она не приходит?»*

Но в Детском Дворце не оставалось времени на вопросы. Весь день был расписан по часам, и в этой рутине незаметно пролетели года. Мое тело изменилось. Слабые конечности обросли мышцами. Я больше не смотрела на мир широко открытыми глазами и научилась прятать тактильный голод. Я стала говорить с олуонским акцентом, репетируя улыбки и упреки под зеркальными потолками. Я сменяла маски, пока они не начали сливаться с моим лицом. Голос Леди затих в памяти. Я с головой погрузилась в любовь друзей – Дайо, Киры и Санджита – и почти забыла, что мне суждено стать убийцей.

Мой пятнадцатый день рождения ознаменовал стук барабанов, эхом отражающийся от стен Зала Снов: *Бам-бам-гун-гао, гун-гао*. Как и все кандидаты Дайо, я научилась различать эти ритмы. К пятому *гун-гао* – *«проснитесь на молитву»* – я успела откинуть в сторону москитную сетку, сорвать с себя спальный платок и встать на циновке. Вместе с десят-

ками других подростков я ждала на женской половине зала, вцепившись пальцами в черную тунику и суонский пояс кандидата.

Слуги – некоторые несли книги – отодвинули ширму, которая разделяла мальчиков и девочек, и замерли у стен, предварительно пересчитав ребят на циновках на тот случай, если кто-то пропал. Когда барабанная дробь прекратилась, Мбали вошла через двойные резные двери, присоединяясь к зевающему Дайо на помосте.

– Доброе утро, кандидаты! – произнесла она громко.

Мы поклонились в ответ, касаясь ладонями лбов и сердец.

– *Доброе утро, Ваше Святейшество!* – ответили мы.

– Почему вы проснулись? Почему не умерли во сне?

– *Потому что Сказитель Ам даровал нам еще один день!*

– Для чего Сказитель позволил вам жить?

– *Чтобы мы могли служить принцу, избранному Аритсаром, Лучезарному, и стремиться стать его Помазанниками!*

– Почему вы должны служить принцу?

– *Потому что мы любим его больше жизни!*

Мбали улыбнулась, как и всегда, с загадочной смесью спокойствия и глубокой печали.

– Очень хорошо, дети.

Барабаны забили снова, отпуская нас на завтрак. Дайо, разумеется, вышел из комнаты первым, сопровождаемый Помазанниками. Я любила эту часть дня меньше всего.

Моя боль по отношению к растущему Совету Дайо походила на гниющую язву. По отдельности кандидаты мне нравились, но я завидовала их близости к принцу. Кира стала первой, кто смогла пройти проверку Лучом после Санджита. Она с радостью согласилась занять место в Совете, и всех остальных уроженцев Благословенной Долины отправили по домам. Я танцевала с Кирой на торжественном вечере, устроенном в ее честь, улыбаясь от уха до уха, чтобы подавить слезы. Я знала, что не могу стать Помазанницей. А теперь, если я покину Детский Дворец, не смогу забрать Киру с собой.

Вскоре пришел черед и других: строгой девочки из Бираслова, слепого мальчика из Ниамбы, девочки из Кетцалы со своеобразным чувством юмора – и так далее, пока наконец в Совете не осталось только три места: для кандидатов из Джибанти, Суоны и Дирмы.

Санджит отказывался стать Помазанником даже спустя четыре года. Он все еще жил во дворце в качестве тени Дайо. Оставшиеся дирмийцы продолжали соревноваться, при этом они боялись Санджита почти так же, как суонские кандидаты недолюбливали меня.

Едва ли я могла винить их за ненависть. Я отказывалась присоединиться к Совету, однако Дайо от меня почти не уходил. Даже сейчас принц улыбался мне, стоя у дверей и жестом показывая нам с Санджитом, чтобы мы присоединились к нему за завтраком.

Чувствуя, как горит лицо, я проскользнула мимо других кандидатов, провожающих меня завистливыми взглядами. Их отводили на завтрак согласно расположению циновок-постелей. Последнему, кто заходил в столовую, доставались уже остатки еды... и очень мало времени, чтобы перекусить перед началом занятий.

Приблизившись к дверям, я расправила плечи, готовясь услышать вопрос, который Дайо неизбежно задавал мне каждое утро.

– А теперь ты любишь меня, Тарисай из Суоны?

Я привычно закрыла сердце от тепла его улыбки.

– Конечно, нет, – хмыкнула я, показывая на Зал Снов. – Из-за тебя каждый кандидат из Суоны хочет меня убить.

Принц поднял бровь и сказал наполовину серьезно, наполовину шутливо:

– Мы можем отослать их всех прочь хоть завтра. Тебе нужно только сказать «да».

Когда-то я была выше Дайо, но теперь он нависал надо мной, заставляя чувствовать себя карликом. Принц мог бы выглядеть угрожающе, если бы не стройная фигура и бесконечно наивные черные глаза.

Густые кудри Дайо слегка приплюснулись с того бока, на котором он спал. Вероятно, он не заметит этого вплоть до середины завтрака.

– Я не готова пробовать Луч снов, – пробормотала я. – Ты ведь знаешь.

– Я знаю одно, – ответил он. – Твое место – здесь, с нами.

Слова вонзились прямо в сердце, как ядовитые дротики, и продолжали обжигать, пока я завтракала вместе с Советом Дайо, а потом шла в северный внутренний двор, чтобы тренироваться с оружием и без оногo. Я вымещала гнев на боевых шестах и копьях.

Каждый день я искала причину исполнить приказ Леди. Пыталась убедить себя, что Дайо – такой же монстр, как и я. Демон, которому суждено принести Аритсару страдания. Может, Дайо и суждено стать императором, но о нем будут вспоминать лишь в кошмарах. Иначе почему, размышляла я, Леди хотела его убить?

Но за четыре долгих года, находясь рядом с Дайо, я ни разу не видела в нем монстра. Только мальчика с огромным ра­нимым сердцем и надеждой, которая могла заполнить океан.

Я отказывалась проходить проверку Лучом, полагая, что рано или поздно Леди появится во дворце и заберет меня домой, недовольная бездействием дочери. Однако месяцы превращались в годы, и я пришла к единственному выводу: ма­тушка обо мне забыла.

Несколько лет назад это осознание стало бы для меня болезненным. Но теперь у меня появились другие амбиции и мечты: я хотела большего, чем просто завоевать любовь Леди. Я хотела помогать Аритсару, как Кира и другие Помазанники. И мечтала присоединиться к героям, изображенным на Стене Смотрящих. Я стремилась заслужить этот доверчи-

вый взгляд, который адресовал мне Дайо каждое утро.

Но я была наполовину эру. Насколько я знала, от проклятия невозможно избавиться.

Крак! Тупым концом тренировочного копья Кира ударила меня в живот, и я согнулась пополам, задохнувшись.

– Ты отвлекаешься, – заметила она.

Пот блестел на лбу Киры под молитвенным платком, стекая по лицу. Она улыбнулась, демонстрируя ямочки на щеках.

– Извини, – пробормотала я, перехватывая копье поудобнее, чтобы снова попробовать защититься.

– Дай угадаю. – Кира показала кивком на другой конец двора. – У тебя появился внезапный... *интерес* к рукопашной борьбе?

Я бросила взгляд ей за плечо, и сердце невольно сжалось. Кира слегка толкнула меня в бок. Я ответила тем же, смущенно улыбаясь.

– Ты закончишь упражнение или нет? – потребовала я, и наши копья скрестились.

Но мой взгляд невольно скользнул к противоположной стороне двора. Санджит помогал наставникам с обучением кандидатов, показывая прием со смертельным захватом. Это казалось невозможным, но за четыре года мальчик стал еще больше. Он очень вырос. На подбородке появилась щетина, и он уже не сутулился стыдливо, а стоял прямо – во весь рост.

Сейчас спина Санджита была покрыта пылью и землей то-

го же насыщенного медного цвета, что и кожа. Он сделал подсечку стоявшему перед ним кандидату, однако оба подростка тут же упали на землю. Королевский Медведь позволил противнику оказаться сверху, а потом ударил его бедром в плечо. Не давая ему сбежать, Санджит обхватил себя за лодыжку, поймав шею и руку мальчика в удушающий захват. Все закончилось за считанные секунды: соперник стал хватать ртом воздух, хлопая Санджита по руке.

Санджит отпустил его.

– Это нечестно, – пожаловался кандидат, тяжело дыша. Он тоже был из Дирмы. – Его Дар выдает мои изъяны, о которых я не догадывался. Санджит должен был предупредить меня обо всем, чтобы уравнивать шансы.

Санджит поднялся, бесстрастно глядя на поверженного противника. Мышцы играли у Королевского Медведя под кожей.

– Если ты не знаешь свои слабости, – сказал он, – тебя и без моего Дара убьют в первой же битве.

Кандидат хмыкнул.

– Да что ты знаешь о битвах? У себя дома ты – всего лишь отброс из трущоб. А я – сын аристократа.

– Когда наемный убийца придет за тобой ночью, – ответил Санджит, – ты ведь не будешь звать на помощь родителей, правда?

Кандидат сердито пыхтел.

– Я тоже ничего не знаю о битвах, – встрял Дайо, ступая

на тренировочную арену, чтобы развеять повисшее в воздухе напряжение. – Тебе придется швырнуть на землю и меня, Джит. Мне нужно многому научиться – даже больше, чем Камалу.

Он улыбнулся дирмийскому кандидату, который с досадой поклонился и покинул арену.

Дайо расставил ноги, сгорбившись в неловкую боевую стойку:

– Я готов, Медведь.

Уголки рта Санджита чуть приподнялись.

– Твоя самая большая слабость, братец, – заявил он, подсечкой роняя принца на землю, – заключается в том, что ты видишь во всех только хорошее. – Санджит улыбнулся, помогая Дайо встать. – И я бы предпочел иметь твою слабость, а не свой Дар.

Отряхнувшись и покинув арену, Санджит встретился со мной взглядом. Я отвернулась, краснея до кончиков пальцев ног, обутых в сандалии.

Большинство кандидатов до сих пор боялись Медведя. Он редко общался с кем-то, кроме Дайо, за которым следовал тенью, словно мрачный архангел. Но когда все ложились спать, я слышала, как ширма между женской и мужской половинами отодвигается. До меня доносился звук шагов, направляющихся к циновке, а потом надо мной возникала пара умоляющих глаз.

– Пожалуйста, – шептал Санджит. – Забери их. Заставь

воспоминания исчезнуть.

Каждую ночь, начиная с ночи с нашего знакомства, мы уходили в старую комнату игр, где в темноте над нами нависали призраки ярких резных животных. Я касалась лица Санджита, чувствуя, как ускоряется его пульс, и прижимала ладони к вискам мальчика.

Через нас проходил поток ужасных образов.

Хруст ребер. Синяки. Кости ломаются под руками Санджита, пока толпа вокруг кричит и топает, поощряя его продолжать поединок.

Громче всех звучит голос его отца.

«Ты думаешь, это ад? Я покажу тебе ад и преподам урок, который преподал твоей матери! Продолжай драться, мальчишка».

Со временем я научилась забирать воспоминания Санджита на целый час, иногда даже на день. Но жестокие картины всегда возвращались после заката, просачиваясь в бессолнечные мысли Санджита.

Иногда мне попадались и светлые воспоминания. Я видела в его разуме юного и счастливого Санджита, танцующего под звон колокольчиков вместе с матерью. Балансирующего с ней на спине слона, который вразвалку топал по пыльным улицам Дирмы.

Мать водила сына в трущобы, к бедным и больным, перевязывала раны и вправляла сломанные кости, поощряя Санджита применять Дар, чтобы поставить другим диагноз. Под

ее руководством руки Санджита могли лечить людей... пока отец снова не заставлял его убивать.

Однажды ночью Санджит спросил меня, могу ли я *дать* кому-то воспоминания, а не забирать их.

Я обняла себя за плечи, занервничав:

– То есть придумывать? Создавать воспоминания о том, чего никогда не было? Я не стану так делать.

– Нет! – Санджит потер ладонью шею, показавшись мне нехарактерно застенчивым. – Просто... ты все время видишь мою историю. А я никогда не видел твою.

Это застало меня врасплох. Я уставилась на него.

– Никто раньше не просил, чтобы я показала свою историю! – Я заерзала. – У демонов обычно хороших историй не бывает.

Санджит рассмеялся.

– Поверь мне, солнечная девочка: ты не демон. Я видел слишком много настоящих монстров, чтобы ошибаться.

Я тяжело сглотнула, стараясь заглушить голос Леди в голове.

«Я приказываю тебе убить... убить...»

«Нет», – подумала я яростно.

Это история – больше не моя.

А моя еще не написана.

Я взяла Санджита за руку и приложила его широкую ладонь к щеке. Осторожно начала показывать ему сад в усадьбе Бекина, красный от поцелованных солнцем манго... и до-

машинных учителей, нависающих надо мной, пока я решала загадки. Показала слонов, которых видела из окна, и блуждающие огоньки над их огромными и смешными ушами. И Ву Ина с Кэтлин, спорящих между собой, пока мы пересекали пустыни и горы по пути к Олуону.

Но я утаила от него эру, Леди и ее желание.

Чем больше я делилась с ним своей историей, тем дольше мрачные воспоминания не возвращались к Санджиту. Иногда он и вовсе не просил меня стирать их. Ему хотелось забиться в моих.

— Однажды у меня закончатся воспоминания, — предупредила я его.

Санджит пожал плечами.

— Тогда, полагаю, нам просто придется сделать новые, солнечная девочка.

* * *

Когда тренировка закончилась, во двор выбежал дворцовый посыльный и поклонился, передав сообщение одному из наставников. Тот кратко взглянул на письмо и, не изменившись в лице, подозвал Санджита:

— Это тебе. — Наставник поколебался. — Лучше прочти, когда будешь один.

Когда мы вернулись в Детский Дворец для очередной порции занятий и испытаний, Санджит куда-то пропал. Я дума-

ла о нем в течение дня, пока решала различные загадки и логические головоломки. Благодаря обучению в усадьбе Бекина задачи здесь в основном казались мне достаточно легкими и редко требовали полного сосредоточения.

– Как думаешь, что у Санджита случилось? – шепотом спросила я у Киры, услышав ритм барабанов.

Мы вернулись в Зал Снов и выстроились для вечернего изучения катехизиса. Кира обеспокоенно покачала головой.

– На обеде его не было. Джит никогда бы не оставил Дайо надолго. Наверняка стряслось что-то плохое.

Прежде чем мы смогли продолжить обсуждение, в зал вошли двое жрецов с масляными бородами. Они заняли обычные места на помосте, а мы, кандидаты, встали на циновки. Кира оставила меня и подбежала к Дайо. Барабанная дробь отбила вступление, предшествующее чтению свитка. *Та-дак-ка, та-дак-ка. Гун, бом-бом-бом. «Услышьте священную историю создания мира».*

Я тщетно пыталась отложить мысли о Санджите, пока жрецы рассказывали историю, делая паузы для традиционного вопроса-ответа.

– Королева Земля и Король Вода полюбили друг друга, – пел один из жрецов, пока другой тихо вторил ему, отбивая ритм на барабане в форме песочных часов. – И родилось у них множество детей: деревья, реки. Создания, что ползают, *ке-ду, ке-ду*, и плавают, *плеск-плеск*. Слабы они и лишены речи. Но одиноко ли Земле и Воде? Скажите же!

– Нет, – ответили мы хором. – У них есть друг!

– Точно так! – продолжил жрец. – Пеликан скользит по небу от звезды к звезде, и с крыльев его падают истории – *вум-м, вум-м*, – способные наполнить тысячу миров. Пеликан старше, чем Земля и Вода, старше даже солнца. Не всегда у него есть крылья и клюв. Иногда у него – копыта и хвост, или лапы и грива, или вовсе нет тела. Кто же наш Пеликан?

– Сказитель Ам!

– Да, Ам, что зовется Прошлым и Грядущим. Но узрите: Пеликан движется в потоке времени подобно ветру, а имен у него не меньше, чем перьев. Как вы его назовете? Выбирайте мудро, ибо в именах скрыта сила.

Высоко над Землей и Водой парит Императрица Небо. Она глядит вниз, а в ней кипит – *виш-ш, виш-ш*, – ревность. Ведь еще до того, как отдать сердце Воде, Земля была ее возлюбленной сестрой. Теперь Небу одиноко и горько в воздушном царстве. Небеса завывают – *ау-у-у, ау-у-у*, и океаны кипят – *вуш-ш, вуш-ш*. Война между Императрицей Небом и Королем Водой длится семь тысяч лет. Покинута Земля и сестрой, и мужем. Узрите ее нового возлюбленного: прекрасного Полководца Пламя.

Дети Земли и Пламени множатся – сильные, яростные! Вулканы! Драконы! Рубины и горы угля. Вода понимает: эти дети не от него рождены. Гневаясь, он оставляет Землю, и озера высыхают, *хас-с, хас-с*. Поля превращаются в пустыни.

Узрите же, как Земля умирает. Кто придет ей на помощь?

– *Пеликан!*

– Да, Пеликан парит над Землей и пронзает грудь, чтобы накормить ее! *Ша-а, ша-а* – падает кровь Пеликана на раны Земли. И что же? Новые дети рождены на свет!

Созданы из глины Земли, пробуждены к жизни кровью Пеликана.

– *Человечество!*

– Да, первые люди. Вода примиряется с Землей, обещая растить ее новых чад, как своих собственных. Сильны ли те дети?

– *Да, и умны!*

– Эгей, точно так. Но просыпается в Пламени ревность. Злит его союз Земли с Водой и дружба с Пеликаном. Проклинает он человечество тринадцатью смертями. Некогда боги, теперь они смертны, слабы, как животные. Что же им делать? Кто поведет их? Скажите!

– *Лучезарный!*

– Эгей, точно так! Узрите: Пеликан крадет луч у самого солнца, благословляя первого императора мудростью и состраданием. «Тебе предстоит выбрать одиннадцать братьев и сестер, – говорит Пеликан императору, стряхивая с крыльев масло. – Каждый человек, которого ты помажешь, даст тебе неуязвимость к одной из тринадцати смертей. Выбирай мудро, император, ибо для всего мира ты будешь богом, но смертным – для Совета». Эгей, эгей.

– *Конец!*

Миф был древним, за исключением части о Лучезарном, которая добавилась пятьсот лет назад, когда Кунлео образовал империю.

Завершив рассказ, жрецы заставили нас перечислить тринадцать причин людской смерти.

– *Яд, болезнь, обжорство, –* перечисляли мы хором. – *Горение, утопление, удушение. Кровотечение, нападение зверей, природная катастрофа. Отказ органов, проклятие ведьм. Избиение, старость.*

Лучезарные при рождении получали иммунитет к одной из смертей. Но после сбора полного Совета из одиннадцати человек убить их могла лишь старость – если, конечно, кто-то из советников не становился предателем.

– Слушайте же обязанности советников будущего императора, – изрек жрец после урока, а я забарабанила пальцами по бедру: эти слова я слышала сотни раз. – Одиннадцать должны использовать власть, данную титулом, справедливо и непредвзято. Одиннадцать должны служить принцу, затем империи и только потом – родному королевству. Им нельзя формировать значимые узы вне Совета. Внутри Совета ни одни узы не должны быть крепче, чем верность наследнику. Плотские отношения запрещены, за исключением таковых с будущим правителем Аритсара.

По комнате разнесся шепот. Мне невольно вспомнилась медно-коричневая широкая спина, блестящая от пота и

глины. Я встряхнула головой, чтобы избавиться от мыслей, впервые за этот день благодарная, что Санджита поблизости нет.

– Слушайте же обязанности будущего императора, – продолжил жрец, кланяясь Дайо. – Его Высочеству запрещено жениться. Вместо этого принц должен помазать доверенную советницу, через которую будет служить империи. Его Высочество должен с особым вниманием выбирать сестер по Совету... – жрец на миг умолк и бросил взгляд на женскую половину зала, – поскольку каждая способна родить ему Лучезарного наследника.

Я скривилась. Жрец говорил так, словно во дворце был гарем, а не священный Совет.

Я подняла руку и выпалила:

– А что происходит, если вместо императора – императрица?

Бугристый лоб жреца наморщился.

– Повторюсь: императорам Аритсара запрещено жениться. Подобный союз нарушит баланс сил в Совете.

– Нет, – перебила я. – Я имею в виду, что насчет случаев, когда Лучезарная – женщина?

Жрец вздохнул, будто я испытывала его терпение. И улыбнулся.

– Среди Лучезарных нет женщин, дитя. Ам всегда выбирал мужчину. Это, конечно, не означает, что сестры в Совете не имеют ценности. В конце концов, вы можете *понести* от

Лучезарного. – Он подмигнул мне. – Империя будет у вас в неоплатном долгу.

Глава 8

Я не успела ответить: в груди поднялась волна жара, как будто кто-то насыпал горящие угли прямо на сердце. Жар исходил изнутри, словно дракон или демон, рвущийся наружу. Я охнула, схватившись за грудь и потя, огляделась вокруг, надеясь, что никто ничего не заметил.

Когда жрец отвернулся, я выскользнула из Зала Снов и побежала по коридору, пока не добралась до трапезной. На длинных низких столах еще стояли кувшины с водой и другими напитками, подававшиеся во время последнего приема пищи. Я схватила один и вылила из него воду, оставив в сосуде только кубики льда. Затем легла на пол и высыпала весь лед на грудь. Меня обожгло холодом, я сжала зубы, чтобы не взвыть.

Такое уже случалось прежде. Волны жара накатывали с утроенной частотой с тех пор, как я стала жить в Детском Дворце. Впервые они начались еще в усадьбе Бекина, когда я была склонна к истерикам. Теперь жжение стало непредсказуемым, хотя часто случалось в часы изучения религиозных свитков. Иногда я просыпалась от снов, которых не понимала, от воспоминаний, просачивающихся в разум с циновки и плиточного пола: я видела девочек, черты которых были пугающе схожи с моими собственными.

Я поежилась, смагивая слезы и глядя в потолок. Может,

приступы как-то связаны с Леди? С ужасной правдой о том, кто – или *что* – я на самом деле?

В коридоре послышались шаги, и я резко села. Лед упал на колени. На пороге трапезной стояла Кира.

– Великий Ам, Тар! – воскликнула она. – Неужели *опять*?

Я виновато кивнула. Она подошла, чтобы помочь, и стряхнула полурастаявшие кубики с моей туники.

– Тебе надо поговорить с целителями. Может, они...

– Здесь они бессильны, – прервала я ее, отводя взгляд.

Последнее, что мне нужно – дворцовые лекари, исследующие мои органы, в которых течет кровь эру.

Кира неодобрительно поджала губы.

– Ты в любом случае не можешь продолжать сбегать с занятий, – предупредила она. – Экзаменаторы начнут шептаться. В следующий раз попробуй подождать до заката: тогда я тебе спою.

Это была наша традиция: на закате мы каждый вечер уходили подальше от учителей и следящих за нами слуг. Мы забирались на крышу Ан-Илайобы и наблюдали, как небо окрашивается в оттенки пламени.

Я пожалала плечами, и Кира вздохнула. Мы вышли из трапезной. Нас ждало очередное испытание: ежедневное заседание суда.

Ни в одном другом помещении Детского Дворца я не чувствовала такой пропасти между мной и Дайо. Я стояла, затерянная среди кандидатов, в зале со стеклянным потолком и

яркими гобеленами. Напротив нас возвышался помост с двенадцатью деревянными тронами. Пока принц, Кира и другие Помазанники занимали свои места, я искала взглядом Санджита, но нигде не видела его высокую широкоплечую фигуру, нависающую над толпой.

– Властью, данной мне Лучом, – начал Дайо, стуча по полу простым деревянным скипетром, – я объявляю начало заседания. Подойдите к трону.

Он улыбнулся, неуверенно теребя перстни на пальцах. По сути, заседания в Детском Дворце ничем не отличались от настоящего суда Ан-Илайобы: таким образом Дайо постепенно готовился к правлению в качестве императора.

После небольшой паузы вперед выступил кандидат из Джибанти по имени Цион’о.

– У меня есть жалоба, Ваше Императорское Высочество. Дайо кивнул, Цион’о поклонился и скрестил на груди руки.

– Когда кандидатов из Джибанти ставят в одну команду с кандидатами из Дирмы, мы всегда проигрываем состязания в решении логических головоломок. Соперники нас замедляют. Я думаю... – Он продолжил громче, несмотря на яростные возмущенные протесты дирмийцев: – Я думаю, все члены команды должны быть из одного королевства. Зачем смешивать фиги и манго? Почему нас, охотников и ученых из Джибанти, тащат на дно эти пустоголовые торговцы?

Дайо поморщился от гула голосов. Кандидаты из Джибан-

ти и Дирмы стояли друг напротив друга, крича и ругаясь, в то время как суонские кандидаты насмехались над обеими сторонами одновременно.

– Тишина в зале! – попытался осадить собравшихся Дайо. – Соблюдайте порядок.

Он походил на деревенского мальчишку, который нервно бросает курицам корм, чтобы те успокоились. Но аудитория, к моему удивлению, и правда замолкла, хотя кандидаты продолжали обмениваться ядовитыми взглядами.

– Твоя жалоба огорчает меня, Цион’о, – сказал Дайо, осторожно подбирая слова. – Понимаю, тяжело, когда твои сильные стороны сводит на нет кто-то другой. Однако я сомневаюсь, что в этом виноваты другие кандидаты. Наверняка дирмийцы не менее умны, чем все остальные.

Я покачала головой, восхищаясь терпением принца. На месте Дайо я бы уже рывкнула на Цион’о, чтобы он либо научился работать с соперниками, либо проваливал в Джибан-ти.

Вдоль стен выстроились имперские экзаменаторы в красных одеяниях – бесстрастные мужчины и женщины, ответственные за большую часть наших проверок и испытаний.

Осененный идеей, Дайо жестом попросил женщину-экзаменатора подойти.

– Госпожа Адесания, – обратился он к ней, – вы ведь следите за результатами испытаний, верно? Расскажите, пожалуйста, как дирмийские кандидаты показывают себя по срав-

нению с другими.

Кивнув, она раскрыла толстую книгу, которую до этого момента держала под мышкой.

– Согласно моим записям, – произнесла она, – в среднем кандидаты из Дирмы регулярно отстают от своих ровесников в логике, в обращении с оружием и в науках. Но они показывают равные успехи на занятиях по религии, истории и политике.

Дайо обессиленно обмяк. Цион’о усмехнулся и пожал плечами, мол, *я же говорил*.

В зале снова поднялся шум. Кандидаты из Джибанти торжественно кричали, дирмийцы возмущались – одни утверждали, что записи подделаны, другие в гневе покинули заседание. Несмотря на благие намерения, Дайо только усугубил проблему.

В груди у меня вспыхнул жар, но на этот раз ощущение было скорее бодрящее. В голове закрутились шестеренки.

Подобно тому как деревенские женщины измельчают пестиками корни маниока для *фуфу*, так и в моей голове начали стучать жернова, обрабатывая слова, факты и образы. Дирмийцы не глупы. Цион’о ошибался. Но у госпожи Аде-сании нет причин лгать.

Стук. Стук.

Кандидаты из Дирмы отставали в занятиях по логике, но преуспевали в политике. В этом не было смысла. Что-то здесь не так. Что-то выбивалось из шаблона.

Стук, стук.

Я закрыла глаза. Учителя в усадьбе Бекина натренировали меня везде видеть головоломки. Каждый человек, каждое место было серией загадок, историями внутри историй, системой, в которой все элементы взаимосвязаны столь тесно, что, если я хотела узреть картину целиком, требовалось лишь отступить на шаг... и внимательно посмотреть.

Мои глаза распахнулись.

– Тишина в зале! – повторял Дайо, отчаянно перекрикивая толпу. – Совет Одиннадцати символизирует все королевства и социальные классы. Если падут Одиннадцать, рухнет и империя. Нас испытывают не только в навыках: мы должны научиться работать сообща.

Все дело в циновках, на которых мы спим. Да, именно так.

Имена кандидатов из Суоны и Джибанти чаще всего начинались с букв во второй половине аритского алфавита, в то время как имена многих дирмийцев – с букв в первой половине. Постели располагались по именам владельцев. Кандидаты, чьи имена начинались с первых букв алфавита, спали дальше от дверей, а значит, последними приходили в трапезную. Поскольку к тому времени для них практически не оставалось еды, у подростков не хватало сил для уроков, проводимых перед обедом, – занятий по логике, оружию и наукам. А изучению религии, истории и политики отводились послеобеденные и вечерние часы, поэтому в этих науках кандидаты преуспевали: они все же успевали отдохнуть и пере-

кусить. Решение казалось до смешного очевидным. Мне стало стыдно, что я не заметила такой важной мелочи раньше.

Дайо всегда приглашал меня поесть вместе со своими Помазанниками, поэтому на меня это обстоятельство никогда не влияло.

Принц прочистил горло, заерзав под недовольными взглядами.

– Просьба по однородному составу команд отклонена.

Я улыбнулась, и мои плечи расслабились. *Хорошо.* Дайо знал, что не нужно поддерживать предубеждения джибантийцев.

– Однако, – продолжил он, – начиная с сегодняшнего дня дирмийцы должны посещать дополнительные занятия по тем предметам, по которым они не успевают, причем до тех пор, пока их оценки не улучшатся.

Неверно. Мой пульс ускорился. Указ Дайо вымотает кандидатов из Дирмы еще больше, а проблема не решится. Но, когда я открыла рот, чтобы возразить... в груди снова вспыхнул жар.

Было даже хуже, чем во время изучения катехи: как будто под ребрами кто-то шевелил горячей кочергой. Я с ужасом пыталась отдышаться. Ну разумеется. И мысленный стук жерновов, и решение головоломок... это не *талант*... а уловка. Очередная часть проклятия эру – чтобы я засомневалась в праве Дайо на трон. Трюк, чтобы заставить меня предать принца. Причинить ему боль.

Я поежилась и провела большим пальцем по подбородку – то был священный жест Пеликана. Затем выкинула идею о расположении циновок из головы. Толпа в тронном зале неодобрительно шумела, но я улыбалась, глядя на помост, чтобы Дайо увидел мою поддержку. Я победила дьявола в себе, обуздала его и приструнила.

В свободное время перед ужином мы с Кирой ускользнули в коридор в задней части Детского Дворца, как делали каждый вечер уже несколько лет подряд. Используя занавеску в качестве веревки, мы вылезли в окно и забрались на позолоченную крышу Ан-Илайобы. Ветер трепал молитвенный платок Киры, мы держались за руки, чтобы удержать равновесие. Потом сели и свесили ноги с края, глядя, как солнце тает за горизонтом Олуона.

Обычно мы бросали фиги павлинам, которые гуляли во дворе, и смеялись, когда придворные в замешательстве поднимали головы. Но сегодня мы долго молчали.

– Что ты думаешь о решении Дайо? – спросила Кира.

– Разве это важно? – Я смотрела вдаль. На площадях уже начали собираться люди: наступал праздник сбора урожая. – Жрецы ясно дали понять, для чего в Совете женщины. Нам надо сосредоточиться на защите Дайо, а не менять его указы.

– Жрецы не знают всего.

– Ой ли! – Я шутливо пихнула Киру в плечо. – Разве так сказала бы твоя мама?

Она усмехнулась. Кира уже давно прекратила цитировать

строгие изречения своей матери.

Когда мы были младше, другие кандидаты смеялись над ней («*Мама говорит то, мама говорит это*»), пока Кира не вспыхивала от злости и не замолкала.

«Они просто избалованные богатенькие детишки, – пожаловалась Кира мне однажды. – Они никогда в жизни не видели пустыню или стадо коз, ни дня не работали на ферме. Их растили и холили для испытаний во дворце. У них никогда не было *настоящей* семьи».

«Как и у меня, – заметила я. Кира знала о моем одиноком детстве в усадьбе Бекина, хотя я и не рассказывала ей об эру и желаниях. – По-твоему, я тоже избалована?»

«Ну... да. – Кира покраснела, поправляя молитвенный платок. – Никто не заставлял тебя менять грязные пеленки у младенцев. Или преследовать падальщиков несколько часов кряду в поисках воды. Или сушить верблюжий навоз, чтобы растопить костер для приготовления еды. – Она помедлила, глядя на меня. – Но твоя мама никогда не пела тебе, не согревала тебе молоко с корицей и не гладила тебя по голове, когда ты болела. Пожалуй, существуют разные способы баловать ребенка».

Теперь же, сидя на крыше, мы видели мужчин и женщин, танцующих на рынках Олуона: на блестящих от пота телах сверкала краска. Барабаны отбивали заразительный ритм.

– Мама согласна с речами жрецов, – сказала Кира, отвечая на мой вопрос. – Верит, что люди – как камни в тотеме: муж-

чины над женщинами, женщины над детьми. Или мы принимаем наши роли, или вся башня распадется. – Она снова замолчала, наблюдая, как дворцовые знамена с солнцем и лунами развеваются на ветру. – Певчие птицы не парят в вышине, как орлы.

Я нахмурилась, вспомнив слова Леди, которые услышала от нее незадолго до отъезда:

«Ты посадил меня в клетку, как птицу, но так и не смог заставить петь».

– А что насчет императрицы Айеторо? – пробормотала я.

Имя всплыло у меня в памяти из уроков генеалогии. Оно было староаритским, и я смутно припомнила, что оно означает. *«Мир от берега до берега».*

– Айеторо правила Аритсаром десятилетиями, – продолжала я. – Именно благодаря ей женщины могут вступать в Имперскую Гвардию. Она основала Академию, запретила международную работоторговлю и...

– погоди! – Кира подняла руку, наклонив голову набок, будто прислушивалась к чему-то. – Дайо спрашивает, где мы. Я сказала, что мы спустимся через несколько минут. Извини, ты что-то говорила?

– Неважно.

Я отвернулась, подавляя обиду. Кира – мой лучший друг. Крыша всегда была нашим тайным местом, где мы могли побыть вдаль от бесчисленных соглядатаев Детского Дворца. Но Кира больше мне не принадлежала.

Теперь она принадлежала Дайо, а еще братьям и сестрам по Совету – их сознания соединял Луч.

Мой взгляд упал на Стену Смотрящих, проходившую через Олуон. На ней высились изваяния: все императоры Кунлео и их советники. Однажды портрет Дайо тоже окажется там, как и Киры и, возможно, Санджита.

Я нахмурилась, пересчитав императоров и сравнив их с теми, кто был на генеалогическом древе. *Эдебайо Первый, Олуотойин Покоритель, Эдунробо Верховный, Абийола Третий, Адеинка Могучий...*

– Императрицы Айеторо здесь нет, – пробормотала я наконец, растерянно моргнув. – Ее нет на Стене.

– Айеторо – исключение, – пояснила Кира. – Я спрашивала жрецов. Они утверждают, что она – уникальный случай: Ам наделил ее Лучом только потому, что ее отец умер, не оставив сыновей. Исключение лишь подтверждает правила.

Кира бросила с крыши камушек и принялась нервно терзать потрепанные концы молитвенного платка.

– Знаешь, когда я уехала из дома, то не сомневалась, что нет на свете места более прекрасного и *правильного*, чем Благословенная Долина.

– Я помню. – Я улыбнулась и затараторила, копируя Киру в возрасте двенадцати лет: – *«Мама говорит, что небо над Благословенной Долиной соткал Пеликан. Безупречный гобелен, парящий над медово-золотистыми горами».*

Кира дернула уголок рта в усмешке.

– Красота и порядок – наши главные принципы. Для Благословенных горшок не закончен, пока мастер не разгладит все неровности. Наши праздники всегда одинаковые: те же песни, та же еда. Истории, которые рассказывают снова и снова. – Кира вздохнула. – Только не смейся, но когда я приехала в Детский Дворец, то часто воображала поначалу, что общаюсь с мамой. В своих мечтах я говорила ей: «Сегодня я научилась использовать копье!» или: «Сегодня я решила логическую головоломку быстрее всех!» И мама отвечала: «Моя мудрая и воспитанная девочка! Похоже, домашнее обучение проложило тебе дорогу в большой мир». Но теперь, когда я представляю ее... то говорю вещи, которые заставляют ее хмуриться.

Кира помедлила: она заметила стаю ласточек, летящих по небу, окрашенному в розовый цвет.

– Я спрашиваю: «Почему Благословенные никогда не позволяют женщинам вести караван? Они ведь работают наравне с мужчинами». Или: «Почему Благословенные моют руки после торговли с представителями других королевств? Эти люди ведь не грязнее нас». А мама плачет: «Куда же делась моя Кира? Кто эта циничная девочка, плюющая на заветы родины и сомневающаяся в решениях старших? Неужели мир любит тебя крепче, чем кровная семья? Неужто теперь мир укрывает тебя по ночам и наполняет твой живот козьем молоком? Где моя Кира?» А я заверяю ее: «Я все еще здесь, мама», – но это не так! – Кира проглотила всхлип. – Я дале-

ко, Тарисай. От всех них. И чем больше я узнаю о мире, тем сильнее отдаляюсь. Я больше не знаю, где мой дом.

Я взяла ее за руку. Мы сидели в тишине и наблюдали, как облака становятся фиолетовыми, а в городе постепенно зажигаются огни — словно золотые молитвы во тьме.

* * *

Я не была Помазанницей, и моя циновка находилась далеко от помоста Дайо. Но каждую ночь, когда взрослые уходили отдыхать, оставляя нас без присмотра, я смиренно играла роль Дарительницы Снов, популярной среди советников принца.

— Сегодня я хочу что-нибудь *погорячее*, — сказала Майазатель, приподнимаясь на локте. Она ухмыльнулась, смешно морща татуированный красными полосками нос. — Ты справишься?

Майазатель была советницей Дайо из тропических лесов Кетцалы. Гений в области архитектуры и разработки оружия... а также в получении бесчисленных любовных записок от измученных ею кандидатов.

Я закатила глаза.

— Ладно. Но я не буду вставлять туда тех, кого мы знаем.

Она подмигнула мне:

— Когда Дайо соберет Совет, нас пошлют в Крепость Йоруа. Мы будем заперты в замке довольно *долго*, знаешь ли.

Так что, когда ты наконец-то позволишь Дайо себя помазать, тебе придется перестать быть такой ханжой.

Я отвела взгляд, вздрогнув от слова «наконец-то». На мне еще висело проклятие Леди, и, пока я не найду способ снять его, чтобы защитить принца, о помазании не могло идти и речи.

– Ложись, Майа.

Она ускорила наступление сна, пожевав листья *кусо-кусо*, и когда она захрапела, я коснулась ее черноволосой макушки. Я придумала довольно незамысловатое воспоминание о красавце воине, который наткнулся на девушку, пока она купалась в реке. Майа победила его с помощью арбалета, который смастерила сама, а затем соблазнила парня, пока перевязывала ему рану.

Майазатель довольно вздохнула, устраиваясь на циновке поудобнее.

Кире я дарила сновидения о маме и бабушке. Они целовали ее в щеку, гладили по голове и говорили, что совсем не сердятся из-за отъезда. Камерону, крепкому мальчишке из Мью, я навевала сны о стае охотничьих собак, игриво покусывающих хозяина за лодыжки, пока он выслеживал в лесу кабана. Терезе из Нонта предназначались грезы о цветущих розах. Ай Лин из Морейо внимала толпа благодарных слушателей, Тео из Спарти читал стихи компании симпатичных воздыхателей. Умансе, слепому ткачу из Ниямбы, я показала новые схемы для гобеленов, которые вращались вокруг

него в сверкающих кристаллах. Наконец, суровой Эмеронии из Бираслова я подарила сладкий снег и мудрую женщину, которая закутывала ее в шерстяное одеяло, напевая непривычно звучащую колыбельную.

Однако помост наследника пустовал. Я смотрела на шелковые подушки и одеяла из шкур, вспоминая первый день в Детском Дворце, когда Дайо позволил мне там отдыхать. Еще несколько недель после этого принц настаивал, чтобы я спала рядом с ним, и ночами мы прижималась друг к другу лбами, пока я создавала сны для будущего императора.

Вздохнув, я пробралась через ряды у циновок к алькову в углу зала – к тому самому месту, где когда-то нашла прячущегося Дайо. Занавеска была задернута: на широком подоконнике виднелся силуэт.

– Странно, что ты часто сюда возвращаешься, – сказала я, тыкая силуэт пальцем через тонкую ткань. – Ты не боишься упасть?

Занавеска слегка отодвинулась, и я залезла на подоконник, устланный подушками. Сквозь лишенный стекла проем нас обдувал прохладный ночной воздух.

Дайо не поднял головы, когда я села напротив. Буйные кудри торчали в разные стороны. Завязки на ночной рубашке были ослаблены, обнажая ключицы. Он рассматривал какую-то вещицу, которую держал в руке.

– Тебе не стоит держать ее на виду, – прошептала я. – Это опасно.

Маска была чуть меньше ладони Дайо и напоминала голову юного льва. На лбу хищника было выгравировано слово на староолуонском: «Олойе». «Наследный принц». Я поежилась, вспомнив, как в первый день в Ан-Илайобе Олугбаде вынудил меня попытаться его убить. Маски принца и его отца выглядели почти одинаковыми, за исключением надписи «Оба» у императора. Кроме того, на маске Олугбаде свой цвет получили все двенадцать полос.

– Только здесь я могу на нее посмотреть, – тихо сказал Дайо. – Иногда в это трудно поверить, но я могу соскользнуть с края, упасть с высоты в десять этажей – и остаться невредимым. Интересно, пробовали ли нечто подобное другие принцы?

– Не говори так, – произнесла я, опасливо разглядывая маску.

Обсидиановую гриву льва украшали разноцветные полосы, поблескивающие в лунном свете. С каждым Помазанником появлялся новый цвет, символизирующий невосприимчивость к какому-либо способу смерти, помимо того, с неуязвимостью к которому Дайо уже родился.

Обычно принцы носили маску на шее, всегда скрывая обсидианового льва под одеждой. Они никому ее не показывали, чтобы какой-нибудь наемный убийца не узнал, к каким видам смерти наследник пока не приобрел неуязвимость.

Только когда Совет был собран полностью, Лучезарный мог более не прятать маску, демонстрируя бессмертную

власть всему миру.

На маске Дайо отсутствовали три цвета: один – от кандидата из Джибанти, другой – от Санджита, третий – от меня.

– Оранжевый, фиолетовый и красный, – пробормотал Дайо. – Обжорство, болезнь, горение.

– *Тш-ш!* – зашипела я, легонько ударив принца по колену. – Ты хочешь, чтобы весь Олуон узнал, как тебя убить?!

Дайо не ответил. Он долго разглядывал маску, затем повесил ее на золотую цепочку вокруг шеи и убрал под тунику, к флакону с пеликаньим маслом.

– Почему ты не хочешь стать Помазанницей?

Я пожала плечами, избегая его взгляда.

– Луч на мне не работает. У меня голова тогда разболелась. Ты ведь в курсе.

– Это было четыре года назад. Еще до того, как мы узнали друг друга... и ты... – Дайо оборвал себя на полуслове и посмотрел на луну. Невысказанное *«полюбила меня»* повисло в воздухе между нами. – Сегодня на суде все прошло просто ужасно. Я понятия не имел, что сказать Цион'о... а вот ты – знала.

Я вздрогнула. Принц скрестил руки на груди, подняв бровь:

– Ты придумала решение получше, – добавил он. – Я понял это. Ты хмурилась, уставившись в пустоту, как если бы решала одну из сложнейших загадок. Великий Ам, Тар, почему ты промолчала? Почему не исправила меня, как дела-

ла, когда мы были детьми?

Я пожала плечами:

– Ты – Лучезарный. Я не имею права выносить подобные решения.

– Даже если они нелепы?

Вопрос заставил меня неуютно заерзать, но я быстро взяла себя в руки.

– *Олойе.*

Когда ничего не произошло, я подождала для большего эффекта и повторила:

– *Олойе.*

И опять – ничего.

– А теперь ты, – попросила я Дайо.

Он насупился.

– Я уже понял, к чему ты ведешь, Тар.

– Давай, – настаивала я.

– *Олойе*, – выдохнул он, и глазницы маски ослепительно вспыхнули сквозь тунику.

– Видишь? – начала я, когда перед глазами перестали кружиться звезды. – Прямо как в легендах. Маска отвечает только на зов истинного владельца – на зов Лучезарного. Ам выбрал тебя, Дайо. Я тебе не нужна.

– Неправда...

– А лучше б это было правдой, – огрызнулась я.

И сразу поморщилась, пожалев о сказанном. Дайо не виноват, что так слепо мне доверяет. Четыре года я защищала

его, сопротивляясь желанию матери и отказываясь от помазания. Но если бы я не была такой бесхребетной, то сбежала бы из дворца еще несколько лет назад. Я бы нашла способ улизнуть отсюда, чтобы Дайо уже никогда не угрожала опасность, вместо того чтобы купаться в его любви.

Словно прочитав мои мысли, Дайо сказал:

– Обещай, что не уйдешь.

Голос его был тихим, но в глазах читался страх.

– Обещай, что не бросишь Аритсар.

Я попыталась рассмеяться:

– Да ладно тебе!

– Я не могу объяснить, Тар, – зашептал он, – но с первого взгляда понял: мы связаны. Мы родственные души, ты и я. Думаю, должны быть... или мы оба... или никто.

У меня кровь застыла в жилах. Я не понимала. Подобные слова обычно предназначались возлюбленным, но Дайо имел в виду что-то другое. Мне вдруг остро захотелось уйти из алькова, быть подальше от неприкрытой ранимости Дайо и чего-то необъяснимого, мелькнувшего в его темных глазах.

– Ладно. Обещаю, – буркнула я, слезая с подоконника и отодвигая занавеску. – Тебе надо поспать, Дайо. И ради Ама – хватит вытаскивать маску.

Я вернулась на женскую половину зала и аккуратно обернула волосы спальным платком. Потом я лежала, положив руку под щеку, и часами сражалась со сном, пока наконец не

услышала рядом тяжелые шаги. Меня накрыла чья-то тень.

– Я уж боялась, ты не придешь, – прошептала я. – Во имя Ама, где тебя носило?

Взгляд Санджита меня встревожил. Он выглядел плохо, будто вообще не спал и не ел целый день. Тяжело сглотнув, он протянул руку, чтобы помочь мне встать.

– Пожалуйста, – сказал он.

– Император вызывал тебя? Все хорошо? Если тебе страшно, я могу забрать воспоминания...

– Ама мертва, – выпалил Санджит, перебивая меня. – А отца арестовали.

Глава 9

Я встала, и мы в молчании дошли до заброшенной игровой комнаты. Игрушки, накрытые простынями, возвышались вокруг нас белыми горами. Мы сели на пыльный диван. Санджит закрыл лицо руками, еле слышно всхлипывая. Разрываясь от тревоги и сочувствия, я успокаивающе гладила его по дрожащим плечам. Через какое-то время я потянулась к его лицу, чтобы вытереть слезы спальным платком.

– Может, нам... – Я помедлила. – Может, надо сжечь что-нибудь для ее тени?

Я видела похороны только дважды. Первый раз – в Суоне, когда мимо усадьбы Бекина прошествовала оглушительная похоронная процессия: дети и взрослые рыдали, потрясая маракасами из тыкв-горлянок и до синяков колотя себя в грудь.

Второй раз – здесь, в Детском Дворце, когда Дайо помазал в Совет Тео из Спарти.

В тот момент, когда Дайо коснулся лба Тео, кандидатка из Спарти по имени Йанте поднялась из-за обеденного стола, спокойно направилась в Зал Снов и выбросилась из окна.

Когда принесли ее тело, слуги Детского Дворца тоже завывали и били себя в грудь, как плакальщики из Суоны. Но я заметила, что глаза их были сухими. Вопли являлись лишь частью ритуала: считалось, что похоронить усопшего неопла-

канным – значит навлечь на себя беду, а оплакать девочку из Спарти было больше некому. Йанте пересекла две тысячи миль, чтобы добраться до Олуона и попытаться получить место в Совете. Как я позже узнала, многие из неудачливых кандидатов добирались до столицы в одиночку и не могли позволить себе путешествие домой через камни переноса.

Когда плакальщики удалились и в Зале Снов воцарилась тишина, к злополучному окну тихо подошла Верховная Жрица Аритсара. Мбали навещала нас чаще остальных членов Совета. Ночью она прохаживалась между нами, успокаивая детей помладше, которые обмочили постель, и разговаривая с теми, кто просыпался от кошмаров.

Притворившись спящей, я наблюдала, как Мбали поставила на подоконник лампу с пальмовым маслом и вынула из кармана тонкую ткань – пояс кандидатки Йанте.

Жрица плакала – настоящими слезами, не чета показным крикам, которые звучали здесь ранее, – и поднесла уголок пояса к лампе. Ткань загорелась, в комнате внезапно похолодало. Я застыла от ужаса, видя, как прозрачная девочка всплыла в Зал Снов по воздуху – тени цеплялись за силуэт, как шлейф.

Она двигалась напрямиком к Мбали.

Я вскочила, чтобы предупредить жрицу, но та остановила меня жестом.

«Не стоит, – объяснила Мбали. – У нее почти не осталось времени. Тени могут появиться только единожды после

смерти. Часто они не приходят совсем... если умерли без сожалений».

Верховная Жрица осторожно протянула руки. Тень Йанте бросилась к ней и, к моему удивлению, обняла Мбали... она вела себя, как живой ребенок.

«Я буду по тебе скучать», – пожаловалась Йанте.

«Разве что недолго, – сказала Мбали, поцеловав прозрачную девочку в макушку и пытаясь унять собственную дрожь. – Там, куда ты идешь, ты не станешь скучать. Никогда. Ступай же, дитя. Ты наконец свободна».

Затем она прошептала благословение, и Йанте исчезла.

– Нам нужно сжечь какую-нибудь вещь твоей матери, – обратилась я к Санджиту, взяв масляную лампу. – И ты сможешь увидеть ее снова.

Лицо Санджита озарилось надеждой. Поколебавшись, он достал из кармана золотой ножной браслет.

– У меня есть только это.

– Необязательно сжигать весь целиком, – утешила его я, отцепляя от цепочки один из крошечных колокольчиков.

Я увидела воспоминание: женская нога отбивает ритм на пыльном полу, неподалеку раздается низкий смех. Я бросила колокольчик в лампу, глядя, как металл съеживается и плавится.

Ничего не произошло. Воздух оставался неподвижен. Санджит выглядел огорченным.

– Мбали считает, что тени появляются, только если их

что-то терзает после смерти, – заметила я. – Или если им необходимо тебе что-то сказать. Возможно, это хороший знак.

Он кивнул, как деревянный. Отчаянно желая чувствовать себя полезной, я научила Санджита благословению, которая Мбали произнесла над тенью Йанте.

А потом мы сказали хором, глядя на огонь в лампе:

– Теперь ты бессмертна. Не сдвинуть тебя с места, как тысячу холмов, ставших единой горой. Да присоединишься ты к Шествию Эгунгуна – и да попадет душа твоя в Рай.

Лампа погасла. Когда Санджит заговорил снова, его голос был пугающе спокоен.

– Я хотел убить его, – начал он. – Весь день старался придумать, как сбежать из Ан-Илайобы, выскользнуть из Детского Дворца и проникнуть в тюрьму, где держат отца. – Санджит горько улыбнулся. – Но понял: это бы только заставило его мной *гордиться*. Тарисай, я надеюсь, что тобой никогда не будет гордиться чудовище. Это куда хуже, чем их презрение.

Я придвинулась к Санджиту поближе и провела большим пальцем по его мокрой от слез щеке.

– Так пусть он тебя стыдится. Останься здесь. Стань Помазанником. Будь защитником, а не убийцей. Джит, ты нужен Дайо. Он любит тебя, а ты любишь его. Ты ведь раньше всех прошел проверку Лучом. А это что-то значит, верно?

Санджит застыл.

– Знаешь, почему я прошел проверку? – Он вцепился в подлокотник дивана до побелевших костяшек. – У меня есть младший брат, похожий на принца. Я вижу людей, как мясник – животных: их сильные стороны и слабые. Кости и плоть. Но мой брат, Сендил... у него другой Дар. Он тоже видит уязвимые места, только в душах, а не в телах. Он понимает, почему люди страдают. И, как Дайо, всегда знает, что сказать.

Я кивнула, припоминая, какую чуткость Дайо проявил, решая проблему Цион'о и других кандидатов в суде.

– Отец считал моего брата чересчур мягким. Заставлял его участвовать в подпольных боях, как и меня. Дескать, это «сделает из него мужчину». Но Сендил всегда проигрывал. Он сочувствовал противникам, хорошо понимая их боль. И отец продал его в легион пустынных наемников. Ему было девять. *Девять*, Тарисай. Еще до того, как за ним пришли, Сендил умолял меня помочь ему сбежать. А я... отказался. Боялся, что отец с нами сделает, если поймает. И... – Лицо Санджита исказилось от боли. – Я хотел, чтобы Сендил стал солдатом. Решил, наемники сделают его сильнее. Он был слишком добрым, думал я. И наивным. Если бы он таким и остался, мир сожрал бы его заживо. Я ненавижу отца... но в глубине души я такой же, как он.

– Ты был ребенком, Джит. И хотел как лучше.

– Я предал брата, – сказал он резко. – А когда Сендил приехал в увольнительную годом позже, он стал совсем другим.

Раньше он плакал, если отец избивал Аму. Теперь он просто смотрел, как будто... это вызывало у него уважение. И вместо того чтобы использовать Дар для помощи людям, он начал применять его для разрушения. Сендил никогда не лгал. Ему и не требовалось. Только раз взглянув на прохожего на улице, он уже знал, что именно сказать, чтобы тот расплакался. Даже отец его боялся. Он вернул Сендила наемникам, а потом Ама послала меня в столицу. Я больше никогда не видел брата.

– Мне жаль, – прошептала я, взяв Санджита за руки.

Он устоял в пространстве перед собой, бездумно сжимая мои пальцы.

– Тень Амы не пришла, – пробормотал он. – Даже ради последних наставлений. Возможно, это означает, что она покоится с миром, а мое место – именно здесь. Ты права, Тар: я не могу позволить Дайо превратиться в Сендила. Я не позволю принцу потерять веру в людей, которых он любит. Он никогда не узнает, что означает предательство.

По моим онемевшим пальцам пробежал холодок. Санджит посмотрел на меня так, словно очнулся от транса, и выражение его лица смягчилось.

– Ты помогла мне осознать мой долг, солнечная девочка. – Губы Санджита коснулись тыльной стороны моей ладони. – Не сомневаюсь, когда ты станешь Помазанницей, ты тоже будешь беречь Дайо.

Я высвободила руку и нервно усмехнулась.

– Ты не просто Королевский Медведь. Ты создан для врачевания. Кира сказала, у тебя есть теория о том, как перезапустить чье-то сердце, надавливая человеку на грудь. Это потрясающе, Джит. Ты можешь спасать жизни.

Санджит кивнул, продолжая смотреть на меня с несвойственной ему теплой, но беспокойной улыбкой.

– Я запретил себе думать, что имею право остаться во дворце. Пока Ама была жива, я не мог посвятить себя навсегда какому-то человеку или месту. Но теперь...

Он неосознанно наклонился ко мне, и сердце забилось чаще от запаха Санджита – запаха земли и кожаной брони. Теперь на его лице появилось выражение, которого я никогда не видела у него прежде: радость.

– Давай станем Помазанниками, – произнес он, щекоча дыханием мое лицо. – Прямо сейчас. Разбудим Дайо и пройдем проверку Лучом...

Дверь в игровую комнату распахнулась.

– Испытание вне графика, – сказала женщина-экзаминатор в алом одеянии, бесцеремонно подталкивая нас к двери. – Все кандидаты должны явиться в северный двор.

– Двор? – Санджит поднял бровь. – Но сейчас глубоко за полночь. Разве проверки можно проводить снаружи, если...

– Испытание ограничено по времени, – перебила экзаменатор, выводя нас из игровой.

В коридоре мимо нас плелись сонные, ничего не понимающие подростки, направлявшиеся к выходу.

Санджит последовал за ними, но меня почему-то задержала экзаменатор:

– Принц находится в другом месте. Он попросил, чтобы вы были рядом с ним.

Ее пальцы сомкнулись вокруг моего запястья с удивительной силой, и мы двинулись в противоположном направлении. Мы шагали, пока не добрались до заброшенных старых залов Детского Дворца. Завернули за угол – и мое сердце остановилось.

Перед нами появился зверь, которого я раньше видела только в книгах. Черно-рыжая шерсть ярко выделялась на фоне стен из песчаника. От огромного тела исходил жар.

«*Леопард*», – подсказала память.

Но как такое возможно? Леопарды не могут быть выше человека. А этот был размером с лошадь, раскосые желтые глаза светились столь ярко, что освещали коридор на несколько ярдов.

Я закричала, но экзаменатор закрыла мне рот ладонью.

Женщина наклонилась к моему уху и быстро зашептала:

– Хватит. Уймись, маленький демон.

Каждое слово было пропитано мьюйским акцентом.

Она не могла быть коренной жительницей Олуона. Я резко развернулась и посмотрела на нее: лицо экзаменатора растаяло, оставив взамен другое.

– Кэтлин! – ахнула я.

Тем временем из теней возник молодой мужчина и погла-

дил зверя по голове. Загорелое жилистое тело человека покрывали аметистовые светящиеся рисунки.

– Похоже, за все эти годы в Ан-Илайобе ты не научилась хорошим манерам, – заметил Ву Ин. – Познакомься с моим другом, Дочь Леди. Хьюн – мой *эми-эран*, – Ву Ин почесал лоб хищника, и зверь довольно замурлыкал, то исчезая, то вновь появляясь в коридоре. – Ам посылает Искупителям духовных зверей, чтобы утешить их в последние моменты жизни, – объяснил Ву Ин. – Но я отказался умирать в Подземном мире и сбежал, а Хьюн присоединился ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.